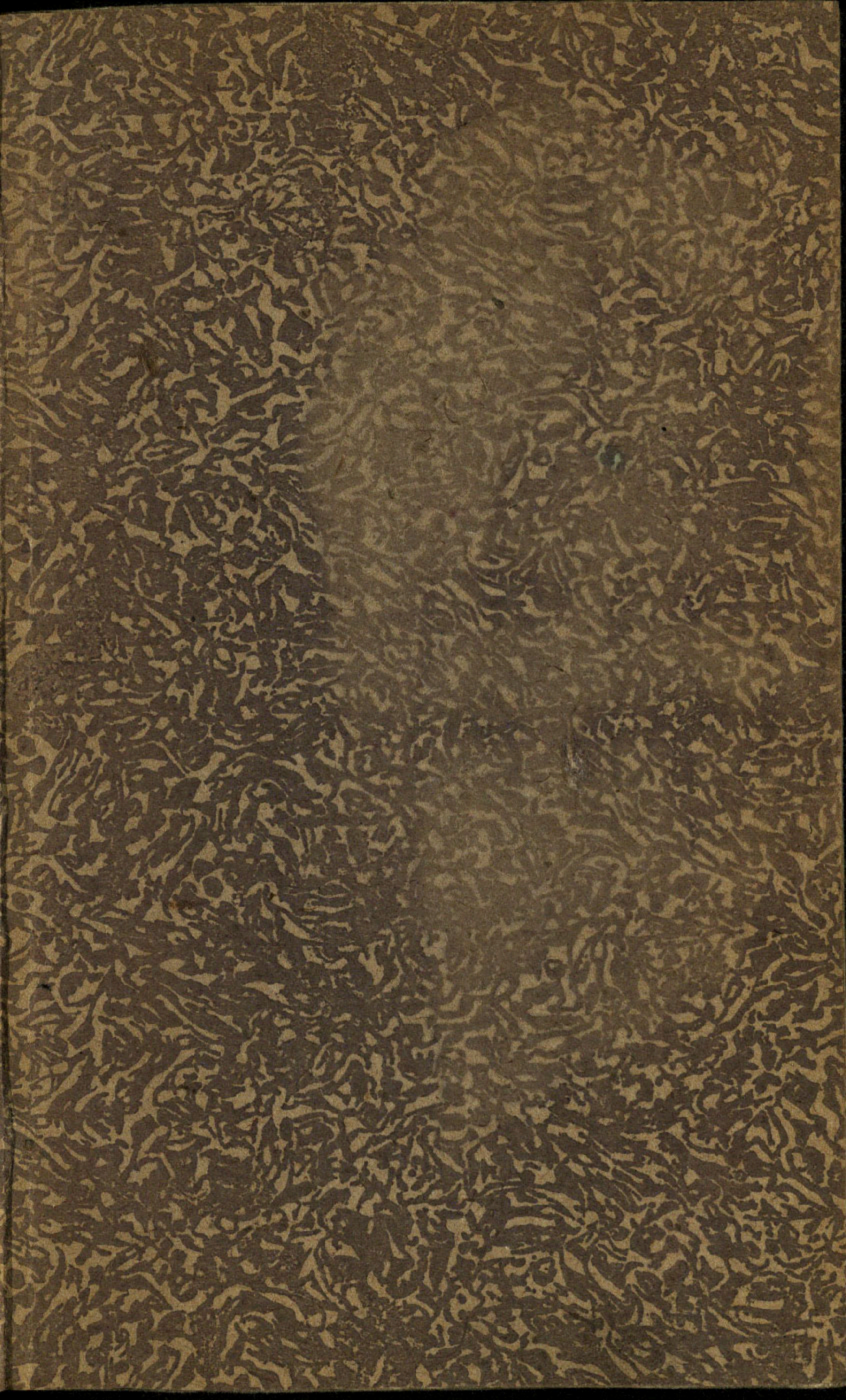

Рисунки 1050/1.1

ПАЛМОВО
ДИСТВИЕ.

ИЗБРАНЕ
ВОСТОЧНЕ ПОВѢСТИ

ОШ
ГОСПОДИНА ХЕРДЕРА

за
ЮНОСТЪ

а
с НѢмецког преведене
ІОАННОМ ЖИВКОВИЧЕМ
ПРОФЕССОРОМЪ.

ПЕРВА ЧАСТЪ.

ВЪ БУДИНѢ ГРАДѢ,

Писмены Кралевскаго Всеучилища Венгерскаго 1808.

№ 25.

319152

БЛАГОРОДНОМ ГОСПОДИНУ
АЛЕКСІЮ ЖИВКОВИЧУ
СВОБОДНОГ МІЛІТАРСКОГ
ОБЩЕСТВА КАРЛОВАЧКОГ
СЕНАТОРУ

з а

Нѣгово к Сербской Юности усердіе
посвѣжено.

WILLIAM HENRY HARRISON
ALEXANDER HARRISON

GENERAL HARRISON
GENERAL HARRISON
GENERAL HARRISON

GENERAL HARRISON

GENERAL HARRISON

1812

БЛАГОРОДНЫЙ ГОСПОДИНЕ,
ВЫСОКОПОЧИТАЕМЫЙ БЛАГОДЬЮ!

Не само заслужно, похвално, высокопочипанія и найвеће благодарности доспойно дѣло, науке с просвѣщеніем меѣу люде ревностно уводити: него оне са свом снагом и помагати, и за ни вѣрно спараніе носити, дабы болѣ и болѣ успѣвале и веће распроспраненіе и упвержденіе добывале. Када бы маши дете само родила, а после рожденія о нѣму се не спарала; само бы у толико признанство имала, у колико се она мучила, докле га ена свѣт произвела. Но свепія дужность и благороднія часпъ нѣзиног попеченія и нѣжности родителске ню

ОЖИ-

ожидаваю, коє нипошто изоставили
не сме. Онда она совершенну за-
слугу добыва, када онога, кога е
на сердцу свом носила, тѣло здраво
и невредимо сачува; када нѣгов ум
изобрази, а сердце облагороди; када
учини, да он у овим добродѣтелма
расте и упверѣавасе: словом: када
га причастником достоиности чело-
вѣчества учини.

Таковым мыслима и Ваша благо-
родна душа одушевляна нѣ пуно
задовольствіе само у том наша,
шпосте Вы нѣку часть Вашег имѣ-
нія на уведеніе наука радостно жерт-
вовали. Не: іошше почувствовали

сте

сте Вы у благодѣшномъ сердцу Ва-
шемъ нѣку празность и недополненіе.
А то што бы друго было, него ова
Божественна, свакомъ Серблину, по
прекрасномъ примѣру Вашемъ, поже-
лема мысль: да Серблѣмъ с наукама
забавляюћымсе будете великодушный
благодѣшель, и нѣова труда добрый
наградитель. То су испинни знацы
оны, кои род свой и науке любе. Та-
ковымъ добродѣшелма украшена мужа
шко, небы почитовао и любіо?

Любимъ дакле и почитуемъ Васъ и
я, Великодушный Благодѣю! како за
Вашу ко распространенію народпро-
свѣщенія и сваке добродѣтели горећу

ЛЮ-

любовь: тако и за Вашу природну доброту, кою на мене богато излисте, дозволивши ми драговольно ово мое дѣлце не само чеспном имени Вашем посвепипи; него оно и Вашим иждивеніем на ползу Сербской юности печатапи. Толико Ваше благотвореніе души же моіой неспанно быти найдрагоцѣнїя спварь и к далѣм пруду найяче побужденіе.

ВАШЕГО БЛАГОРОДІЯ

У Карловци 1808.

нижайшій слуга

ІОАНН ЖИВКОВИЧ.

ПРЕДСЛОВІЕ.

У свакой книги, коя на свѣш излази, двое се на ум узима; спварь, о коіойсе лише, и езык, на ком се ради. То же исто и у овом преводу быти предмет крїстіхе. Што се тиче спвари, надамсе, да ми ни едан добросердечный и разумный Серблин замерити неже, ииши казаши, да ніе добро избрано. То мысли ослонїосамсе на Немце, народ учен и просвѣщен, кои хопя да имаю премного лело слисаны правоучителны книга за млада и нѣжна сердца: олет су ове восточне повѣсти, собране Г. Хердером, мужем ученостїю вѣнчаным, с горежом жельом прїимили, и одобрили.

Истина, да и Серблин има вежь правоучителны книжица: као што е Любосава и Радосав; сличанїе велике благодарности достойно; ибо е пуно правоученїя и мудры совѣта. От превелике е ползе шахофер и Цвѣшник блаженнопочившет Г. Раича А. А чтенїем Дѣла Г. Досїоеа Обрадовича чїе се небы сердце умекшало?

Но

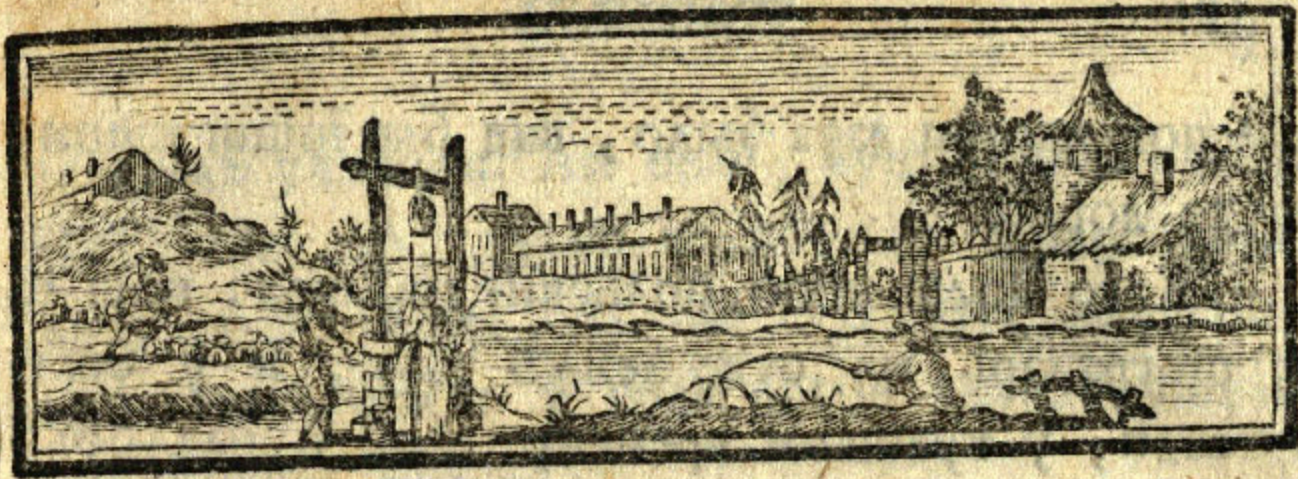
Но и у овом преводу видишиће младый Серблин поражено оклевешаніе, возвышену Добродѣтель; посрамлену неблагодарность, награждену благодарность; познашиће, колико е почитаніе вѣрности, колика ли мерзость невѣрности. Такове и овым подобне повѣсти находесе у овом дѣлцу.

Судим дакле, да ће оно младом Серблину, сердцем и душою за наукама и чесннссію гинућем, мило и угодно быши.

А што се езыка шиче: старао самъ се добро и ясно превести. Есамъ ли шо мое намѣреніе получію, и есамъ ли свагда, што е у преводу тяжело, свойство Сербског езыка одержао: шо оставлям Сербским Філологом на разсужденіе. Нѣова основана примѣчанія бышиће ми толико дражія, колико ми е Сербског езыка миліе усовершенствованіе.

I. Ж.

Па-

П а с т ы р ч е.

Абас Персїйскїй Краль, кога су великим называли, едан пуш у лову зайће, и у нѣку гору дойће, гди е Пастырче спадо оваца пасло, и под дрвешом у свиралу свирало. Сладка мелодїа пѣсне и любопытство примама Краля ближе к Пастырчешу. Овог отворено лице Кралю се врло допадне. А када чуе, како оно просто дете, без науке код спада отпрасло, на свашто добро и брзо отговара, весма се зачуди. Међу тим, докле е он о том размышлявао, прїиде и Везир. Ходи Везиру, рече Краль, и кажи ми, што ты о овом Пастырчешу судишь. Дете, и другїй пуш от Краля вопрошено, такођер лепо отговори, и с тим покаже, да у нѣму обитава дух неустрашимь, здравый разум, просто и слободно сердце. Таковїи дари чїе сердце не бы придобыли? Краль отма намысли, дете са собом узети, и даши га воспашати, да види, што бы из тог пре-
кра-

красног нарави дара было, кад бы іошп кшому наука дошла.

Како годь шшо польскій цвѣшак, када га вершоградарь из суве землѣ узме, и у болю пресади, у кратком времену свой пунак болѣ развіяши и сяннію фарбу добыяши почне: тако ншо и ово Пастырче у свачему лепо напредуюћи неосетно преобразисе у найдобродѣтелнїег человѣка. Оно е Кралю свакій дан милїе бывало, назове га Алибегом, и постави первым надзирашлѣм царске кассе.

Алибег имао е у себи сва добра, коя се годь у человѣку соединити могу: он е быо беззлобан, мудар, и вѣран у свом званїю; подапан и великодушан к спранным, на службу гошов сваком, кой бы оп нѣга шшо просїо; іошп кшому и смиреномудар, не гледаюћи на то, шшо е Кралѣв Любимець быо. Ал измеѣ свїю Персїйски Дворяна с шим се он найвыше опликовао, шшо е быо человѣк некорыстолюбив: он никада не бы за учинѣно добро плаћу спражіо; сва бы нѣгова добра дѣла из чистого извора текла, т. е. из саме желѣ, ближнѣм свом полезан да буде. Но све те добротѣ ни су га могле сачуваши оп оклеветанїя придворны Персона. Ови нѣговом возвышенїю завидѣћи плели бы му свакояке замке и спражили, како бы га код Краля подозрїшл-

телнымъ учинили. Ал овай, будући муж особитый, ніе дао, да се у нѣгово сердце гадно увуче подозрѣніе. За шо е Алибег знатан и миран быо, докле е годъ нѣговъ великодушный защититель живіо.

Но по несрећи умре шай великій Краль, а нѣговымъ наслѣдникомъ постане Шах Сефи. Овай се пришвори, као да за праведну налази скорбь народа, кои жале, што добріи Владѣтели умиру, као и другіи люди. Шах Сефи сравнѣн с преѣшнимъ Кралѣмъ быо е са свимъ другочіи: немилосшив, скуп, лукав, и неповерлив. Крвь проливати чиниломусе тако сладко, као жедномъ напишсе воде. Алибеговы непріятели такова Господара едва дочекаю; нїова сакривена злоба опеш се шаки появи. Стану Надзирашеля свакій дан оклеветавати. Истина, да Краль с почетка на шо ніе ни пазіо, ал найпосле почне и он шымъ доношеніямъ вѣроваши.

Краль изненада заиште неку драгоцѣнну саблю, кою е Шах Абас оп Турског Краля на поклон добыо, за кою су му неки оп Дворяна казали. Та Сабля сад ніе се могла найћи, а познато е было, да е у списаніе вещь Кралѣвски уведена. Сад на кога бы другогъ подозрѣніе Шаха Сефи пало, него на Алибега, да е он украо? То су нѣгови непріятели и желили;

ли; таки усугубе своя оклеветанія, и опишу надзирашеля као најгорег варалицу, говорећи: да е он многе домове за прїманѢ странны поправіо: да е друга заедничка зданія с великим трошком созидао: да е го наг у двор дошао, а сад неизброено богатство има. Опкуда му све оне драгоцѣнности, с коими е дом нѢгов напунѢн, да нїе КралѢвску кассу покрао? Алибег уѣе Кралю у то исто време, када су га нѢговы злотвори тако с црном фарбом описивали. Краль на нѢга с яростію погледа говорећи: Алибег, невѢрность е швоя веѢ изишла на свѢш: ты оп данась губишь швое званіе, заповедам ти рачун за 14. дана готов да ми буде. То Алибега нимало не уплаши, знаюћи, да е нѢгова совѢсть чиста. Но када разсуди, да бы то за нѢга зло было, када бы своим зловором 14. дана допустіо, а не бы преѣе гледао, да свою невинность докаже, почне Кралю говориши: Господине! мой е живош у швоим рукама. Я самъ готов данась ил супра ключе кралѢвскога сокровища и украшеніе достоинства, кое си ми дао, пред твоей преспол положиши, само те молим, учини милость, буди шу и ты сам.

Нитко нїе на то радїи было него Краль; Соизволи на нѢгово прошеніе, и таки супра дан прегледа сокровищницу, ал све у најболѢм

реду

реду найће. Алибег увѣри га, да е сам Шах Абас саблю, кое сад нейма, узео, и с нѣзиным Діаманшы другій клайнод накипю, а у свом списанію ніе о том ни спомена учиніо. Краль на шо ништа ніе имао рећи. Ал неповѣренность, будући да е свагда неправедна, мысли, да е уврећена, ако и позна, да се у свом догаданію вара: за шо Краль под именем да Алибега у нѣгов дом ошпрати, а управ мыслю е, да ће шу оне драгоцѣнности найћи, за кое су му дворяни казывали. Но како се весма зачули, када види, да е све другоячје: зидови проспым платном покривени, а у собама само нужно покућство. Сам Сефи признаши е морао, да средній гражданин великолѣпніе живи, него великій надзирапель нѣговог царства. Он се заспыди преварен будући и другій пущ. А када пойће, онда му едан ош дворяна покаже врата у Галеріи, коя су с двема гвоздемым ключаницама зашворена была. Краль ближе приступи, и упыша Алибега, шта он под тако великим бравама чува? Он се као препадне и поцрвени, ал опет брзо к себи дойће, и почне овако: Господине! у овом зашвору чувам, што ми е на овом свету наймиліе, мое право богатство; све друго, што у овом дому видишь, све шо принадлежи Кралю мом Господину; а што се у овой соби налази,

шо

то е само мое; но будући да е то тайна: за то те молим, не ишти, да е видишь.

Ове Алибегове речи будући као с неким немиром сердца изречене, учине, да Краль, и тако злопомышлив, у себи рекне: Воистинну Алибег осећа, да е крив. За то опма запо-вѣди, онај час врата да се отворе. Но шта е шу видіо? чешыри бела зида, накићена с едним паспырским шшапом, са свиралом, халином, и с паспырском шорбом. То е было оно сокровище, кое су чувале ове браве и гвоздене ключанице. Сви, кои су шу были, зачудесе, а Шах Сефи посшыдисе и шрећій пуп. Онда Алибег весма учпиво стане говорити: Сильный Кралю! када ме е великій Абас на нѣкой гори нашао, гди самъ я мое спадо чувао, ово сиромашство было е све мое богатство, кое я оп тог времена овде чувам, као мое право имѣніе и спомен срећне младости; великодушный Краль быо е тако милоспив, да ми то ніе хошео узеши; надамсе Господине! да ми ни пы опети не ћешь, и да ћешь ме с ним у оне спокойне долине оппустити, гди самъ я у мом убожеству срећніи быо, него овде у излишестве.“

То изговоривши умолчи. Сви, кои су шу были, заплачусе, а Краль сними свою одежду, и мешне ю на Алибега, (знак найвеће милости).

Тако

любкій Зефір шапће, када у вече над Арабским благоуханіе просипаюћим лѣсима виси. Приближипесе, рече он нима, сыновы праха и пепела, не бежите от вашего Благодѣтеля. Я самъ дошао, да вам дар учиним, кои само вашимъ лудостію бесполезан и пагубан быти може. Я ѣу вашу испунити желаю, и даши вам воде, ако ми кажете, колико пребате за вашу нужду, ал не прехитрипесе у вашемъ отвѣту. Опоменипесе, да е излишество у чловѣчскимъ пошребамъ тако шкодливо, како годъ што е и недоспашок. Кажипсе сад: и шы, Хамет, говори первый.

О милоспивый Ангеле! отвговори Хамет, опрости мом дерзновенію, я молим само за едан малый пошок, кои се у лето не засуши, а у зиму не топи. Нек ти буде, отвговори Ангел, удари с косом по земли, и она поспане сад орудіе благодѣанія. Оба пасшыра виде, гди пред иима извор спане извираши, и по нивамъ Хаметовымъ разливапесе. Цвеће спане опеш даваши мурис: дрвесы сва позелене, и спада у хладномъ пошоку свою угасе жеѣ.

Онда Ангел окренесе другомъ пасшыру, и заповѣди му, да говори. Молим те, рече Рашид: учини, да велика рѣка Гангес са своимъ нѣномъ водомъ и рыбама преко мои нивы и ливады пече. Добросердечный Хамет зачудисе томъ безстыд-

НОМ

ном високоумію Рашидову, и почне се сам са собом прети, што он ніе найпре то велико учиніо прошеніе, а Рашид опет у себи се радовао, што ће он, као господар рѣке Гангеса, много боліи быти оп лудог Хамеша. Ал брзо Ангел благо свое лице у весма спрашно прѣмѣни и опиде к рѣки. Пастыри остану чекаюћи са страхом што ће саѣдоваши, кад ал из далека чуесе нѣкій сильный шум: Гангес быо е веѣ пробіо свое насыпе и почео са сильным волнованіем теѣи. У едан час разліесе вода по Рашидовым нивама, и све потре, дрва из корена поваля, и прогута нѣгова стада: найпосле и нѣга самог опнесе. Гордый Господин рѣке буде плѣн Крокодила; а мудрый Хамеш при свом источнику мирно живяше.

Видѣніе Орла и Лисице.

Великій Краль, Абас Караскан постави Мірсу, свог слугу, Намѣстником у предѣлу Таврии. Мірса будући муж правдолюбив, браію е слабе, и почиовао паметне; тако бы се трудолюбиви обогаћавали. На нѣга бы подданницы очима пуным любви и почианія гледали; свака бы уста нѣгово правленіе благосилаяла. Ал он сам никакове радости о своим добрым дѣлы не бы чувешвовао. Свѣтла

бы се на лицу нѣгову као нѣка тиха жалостъ показывала: он бы све као нѣку самоѣу пражію, и често бы замышлѣн позадуго седію; а када бы куд изишао, све бы у землю гледао: сам бы се ход нѣгов као уморан и шежак чинію: словом, Мірса изгуби сасвим волю владати: за шо намѣри оставишисе оног дѣла и посла, кои му е опдавно досадан и тежак.

Присступи дакле к прешолу свога Господина: овай га запыта, што е дошао? Опроси ми Кралю, отговори Мірса, што я тако слободно к теби приступам. Я самъ твой роб, пыси ме с честію украсію. Я се сад усуѣуем, дар милости твое теби на праг даши. Ты си мене управилѣм лепога града и плодоносне землѣ поставію; нѣзина су поля Дамаским вертоградма подобна; но време е чловѣческог живота крапко, едва дошле достиже, да се к смерти приугововимо. Свису наши труднишша и суетни; они су подобни труду мравій, кое пупниці ногама газе и шару; и наша радость тако брзо исчезава, како годь фарба дуге, кою хитропролазеѣи облацы праве. Допусти ми дакле, Кралю мой, да се могу к вѣчноши приугововити: дух ѣе се мой сам собом забавляши; ибо е шо нѣгов посао. Я ѣу у тихой самоѣи само о святыни закона мыслиши. Свеш за мене више нек не марн: ибо

и я на нѣга више нећу мыслиши. У том ће и час послѣдній приспѣши, кад ће ми се вѣчностъ отккрыши, и я суду Всемогущег предстати будем.

То изрекшій Мірса падне на землю и умолчи. На то се Краль шако уплаши, да на престолу сав задркши. А када погледа на свое около нѣга стояще, види нѣова лица бледа и очи к земли спуштене. Никто нѣе смео проговорити, докле нѣе Краль, по многом размышленію, найпре почео овако:

Мірса, страх и сумня на ме е наишла. Я самъ се нашао у чуду, како годъ и онай, кога сила нѣка невидима, от кое се не може отбраниши, узме и на край каквое пропасни бацы. Но я јошше не знам, ели моя бѣда истинниша, или е само сан. Я самъ како годъ и пы, црв на земли; мой живош или магновеніе ока, то е све едно, а ужасна вѣчностъ, прама кое су дани, године и столѣтїя ништа, све ближе долази, и позыва ме к приуготовленію. Дакле зар правленіе да предамо правовѣрным беззаконником, кои као скопови живе, ниши се совѣсти, ниш Божїег суда бое? Зар само ћелїя пустынническа райска враша отвора, а шруды су зар великог Народа овога Града проклети и за грѣх держесе? Сви не могу быти пустынницы: за то ни живош нѣиов нѣе само добро дѣло.

Иди дакле дома, кои самъ ти овде за твое
 живленѣ опредѣлю; я ѣу о томъ, што желишь,
 мыслиши. Онаи да ме укрѣпи, кои душу мо-
 лящаго просвѣщава, да могу што памешно
 заключиши. На шо Мірса опиде, ал треѣий
 дан моли Краля, да га к себи пусти, хопя да
 не зван быо. Допустимусе. Униѣе унушра
 весео, извади писмо из недара, полюби га и
 да Кралю из свое руке говорѣи: Господине!
 из овог писма, кое самъ отъ Іман Козру овде
 предъ тобомъ стоящегъ, прїимію, видію самъ, коя
 е пресвета мудрость живота! Онъ ме е укрѣ-
 пію и научію, да родосшно гледамъ на прошасша
 а с надеждомъ на будуща; сад бы я мыслію, да
 самъ среѣанъ, када бы само сѣнь твое власти
 у Тауріи быо, и украшеніе чести носити
 могао, кое самъ се мало преѣе освободиши
 желію. Када шо Краля преслуша, зачудисе, и
 любопытливъ будуѣи преда шо писмо Іману, да
 га явно чита. Сви, кои су шу были, погледе
 на старогъ Мудреца; оваи учивъ и спыдливи
 поцрвени: на послѣдокъ стане ове читати речи:
 Вѣчно благословенъ да буде Мірса, комъ е му-
 дрый и великій Владѣтель ово Намѣстни-
 чество вручію: када самъ чуо, да си ты на-
 мію твою руку са жишеля Таурски узепи,
 сердце е мое спрѣломъ жалости ударено, и вид-
 очію мои шугомъ помраченъ быо; ал што сме предъ
 Царемъ

Царем говориши, када е он у яроспи? ил кон се сме хвалиши, да е паметан, када сам Краль не зна, што ће чинити. Ал я ту теби мое младости приключенія казати, на кояси ме сад опоменуо; О када бы она пророкова истина, којойси ме научіо, побом облагорођена была!

Мудрый Алназер научи ме шаинствам лѣкарства; я у овом художеству врло рано мени вѣжества пріобрѣшем, научимсе познавати силе права, кое сунцем одушевлене постаяху исцѣлишелне, и почнем ніовым балсамом лечити болестне. Ал када се пред очи мое представи образ неволѣ овог света, образ тихог исчезанія, и наипосле и саме смерти; онда се сердце мое ужасом и страхом напуни. Я видим непрестанно предамном отворен гроб, коега плѣни раніе или касніе быти морам. То ме дакле принуди, да намыслим, што ми іоши мало времена жизни мое остае, у светым размышленіям провести. Сва земна блага, коя само за мало уживати могу, почнем презирати; ибо ми се чиняху, као да мом сметаю благочестію. За шо мое новце закопам и немарећи више за содружество человѣческо, отидем у пустыню. Ту живити спанем у нѣкой пещери, кою на краю нѣке горе найдем. Ести и пити морао самъ, ако самъ и пустынник. Сређом, шу покрай планине быспровидный печаше поток, а

ОКО-

около мое пещере бѣше довольно воѣа, и сва-
 кояког зеля. Често бы я на врати мое пещере
 седю, много бы пуша на восток погледао, и
 по цѣлу бы ноѣь, ни мало не спаваюѣи про-
 вео, не бы ли тако мучеѣисе пророком про-
 речено явленіе видю, и Божественног ошкро-
 венія учасшником постао. У нѣко юшпро, када
 самъ тако цѣлу ноѣь бдію, и када су зрацы
 исходящег сунца стали восточну страну неба
 озарявати, надвлада ме нѣкій якій сан и за-
 спим. У сну видим нѣко видѣніе; учинимисе,
 да самъ пред моіом пещером; дан све ближе,
 докле и зора не забели; онда опазим некаково
 шавно пашно (флеку), видим, да се миче, и
 што ближе, то све веѣе; а кад на едан пуш
 опазим Орла. Он полепи, а я очима за ним,
 и видим, да се почне онде спушпати, гди е
 лисица лежала, кое преднѣ ноге чинякусе као
 пребіене. Ту орао комад младог срнеѣег мяса
 из ногкшю пушти и у высину оплеши. Я се
 шргнем из сна, и іоште размышляваюѣи, што
 шай сан значипи може, кад ал чуем из воздуха
 овай глас: „Козру, я самъ онай Ангел, кои
 самъ по заповѣспи Всемогущег мысли душе швое
 написао, и теби ово видѣніе послао, да бы се
 разум швой, кои е заншао, опеш на правый
 вратио пушь. Успай и подражай орлу. У
 теби су нѣгове силе, и множество бѣдны че-
 каю

каю от тебе помощи. Являйся слабым и бол-
ным у нужди и излей на ны здравль и благо-
дать. Лѣнива покойность нѣе добродѣтель,
само дѣйствіе и рад то е добродѣтель. Када
швом ближнѣм у неволи добро учинишь, знай,
да си испунію наилучшу от свію заповѣстий,
кою нам благочестіе налаже: Благодѣяніе воз-
вышава чловѣческую натуру: оно уподоблява че-
ловѣка Богу и чини, да чловѣк іошт овде почне
уживати ону срећу и блаженство, кое му е
Бог за нѣгова добра дѣла као награжденіе у раю
приуготовію.

То чуюћи учинимсе, као да се нѣка пла-
нина предамно поравни. Клекнем на колена у
пра, и раскаемсе мог безумія. Вратимсе у град
и мое сокровище ископам; радо почнем давати
невольным, и не могах осиромашити, него
бывах све богатіи. С моіом науком почнем ле-
чити не само тѣлесне, него и душевне боле-
сти. Обучемсе у свето одѣяніе, и за мою за-
слугу будем почищаемь, а Крадь е тако быо
милоспив, да ми дозволи свом престолу при-
ступати. Ал ово поученіе да те не увреди. Я
се не хвадим мудростію, кою нисамь пріимію,
како што песак у пустыни юшреню росу піе,
тако исто я, кой самь такоѣер пра, светом
науком пророка наповамсе. Сва е мудрость
ништа и суешна, ако ю у нами зашворену дер-
жимо,

жимо, ником ништа не казываюћи, а живош у беспосленой самоћи проведен нейма никакова добыта. Мы кадасе осамимо, све бы коекакова заблужденія налазили; ал кадасе врата небесна пред нама отворе, и свыше сіяюцій свѣш ум наш просвѣти и умудри; онда видимо истину откывену. Свагда се надай овом лепом явленію и подражай меѣю шим благодѣшелном орлу. Ком е много данно, от шога се много и иште. А Владѣпель, као што си и ты, у рукама своим часть власти Божіе има. Он може свое подданнике по свом примѣру изобразити, и учинити, да корыстолюбиве душе буду благодѣшелне; укрѣпити дакле землю твою добродѣшелію, као нѣком небесном водом, и твердо вѣруй награжденіе вѣчности. Сад с Богом! онай, кога е престол небо, с милошћю на тебе свыше да гледа, света нѣгова воля, швом имени да поклони временно и вѣчно блаженство. Краль и Мірса овим писмом избавесе от сумнѣ. Краль пун задовольсшва и веселія гледаюћи на около стояще, прелива у сердца нѣова радость, кою и сам чувствоваше. Намѣспника у нѣгову провінцію натраг пошлѣ и заповѣди, шо приключеніе записати, да покаже потомком, да се Богу ни едан начин живоша не може допасти, кои человѣчеству нѣе полезан.

Гладный Арапин.

Нѣкій Арапин зайѣе у пустыни; два чиша-ва дана ништа нѣе могао найѣи, што бы ео; за то е у страху быо, да небы оп глади умрео. На еданпуш найѣе нѣкій поток, из кога су пунници свое камиле напаявали. Он смотри шу на песку некакову кожную вреѣу. Хвала Богу, рече у себи, када ю подигне и опипа. Ово су, чинимисе, урме. О како ѣу се я сад с нима нараниши и напиши! у шой сладкой надежди опвори вреѣу, да види, што е; ал како се ожалости, када на мѣсто урма, угледа бисер.

Благодарни звѣри.

Нѣкій млад Краль јоште као дете получи Царство. Он запыта едан пунт свог старог искусног Везира, ком бы се из свјю оны, кои нѣгову милость шражу, найвише вовѣриши могао? На то Везир опговори: Заиста ником другом, него оном, кога си познао. То добро упамти, да е человек, кои бы najlepша и најблагодарнја стварь быти морао, више пуша найвеѣа варалица и најнеблагодарнји оп свјю скотова. О том бы те могла Історја Краля у Алеппу ласно увѣриши, само када бы

ю имао волю слушаши. Имам, отговори маа-
дый Краль, него казуй.

Везир почне овако: Султан у Алеппу пре-
давшійсе сластемъ тѣлесным, правленіе цар-
ства на друге ослони, не мареѣи више за ни-
што, него за само украшеніе тѣла и велико-
лѣпный живош: за то найрадїе дружитисе
почне с нѣким драги каменя продавцем (Јуве-
лїрем), ком се сасвим вовѣри. Овай показы-
ваюѣи Кралю све нове и нове ствари, заслепи
га тако, да у двору перва достоинства добые.
Найпосле представи га Краль свом сыну, Бе-
хадиру, за воспитателя, кой ниш е знао, што
е воспитаніе, ниш е добро и поштено сердце
имао. Ал будуѣи да му е Краль свою благо-
склонность еданпуш поклонїо: за то нїе ни
видиши могао, да он нѣгова сына зло воспи-
тава, „докле му нїе нѣкій суровый поступак
очи отворїо“ да е могао добро познаши и
сына свога, и нѣговог недостойног Вос-
питателя.

Бывшій Јувелїр уліе у сердце младога
Прїнца, свог Пишомца, све оне неваляле склон-
ности, коима е он као Јувелїр, предан быо:
раздражи у нѣму любовь к богатству и дра-
гоцѣнным Дїамантом; научи га скупости;
распали у нѣму желю добыша, коя, као што
е познашо, не мари другога вараши, и утѣсня-
ваши.

ваши. Таковым склонноштем предан е было и
 учитель и ученик: за то нису се ничега устру-
 чавали, нѣкоем Жиду (чивушину) драгоцѣнно
 каменѣ за малу цѣну опешти, с коїом онай не-
 задоволян будући свое каменѣ искао е на
 праг; ал вмѣсто да и е добыо, буде на смѣрть
 испучен зато, што е на нѣово насиліе выкао.
 Найпосле то гадно дѣло дойѣ и до ушю
 Кралѣвы, кои се сад истом пробуди, и спане
 испыпивати, кому е он свое повѣреніе по-
 клонію. У кратком времену сва невалялства и
 сыновля и нѣгова Воспитателя уразуме. Сад
 не знаюћи шта ѣе, него се почне люпити, и
 каяти: Свое дѣте у нѣкій удаленный шумскій
 град отера, а бывшег Іувеліра с безчестіем и
 презираніем из свог Царства протера. Рус-
 тем (тако се зваше шай невалялац) као ока-
 менѣи злочинац пун негодованія ходяше пу-
 тем. Спигне га ноѣ у нѣкой густой пав-
 ной шуми: на еданпутѣ падне у некакову яму;
 коя е за хвапанѣ зверова начинѣна, а мало
 покрывена маовином была. Тко се веѣма ужасне
 и зачуди него Рустем! када шу найѣ майму-
 на, лава и змїю. Сад самъ, помысли у себи, до-
 шао, гди треба. Свакій се час надао, даѣе
 га ова звѣрад прождерати; ал буде поштеѣен:
 ербо су и она сама у неволи была, и видила,
 да е и он е нима заедно у еднакой несреѣи;

Тако

Тако му ова спрашна ноћъ пройђе. Другій дан чуе людске спопе, стане жалостно выкаши и за свое избавленіе молиши. Кой е шуд прошао, быо е нѣкій шерговацъ именемъ Ахметъ; у овога сердце соболѣзнующе быше: за шо таки оде ко ономъ несрешномъ мѣсту. Начини едек и бацы га у рупу; а када види, да е вмѣсто челоуѣка, маймуна извадіо, зачудисе, опкуд овай! а маймунъ пређе него челоуѣкъ счепа едек, и первый се освободи. Трговацъ се разсерди на ово безстыдно зверче, и хопео га е на прагъ шуриши. Онда маймунъ любовно спане говориши: Не кайсе, што си ми живопъ освободіо. Живошна любе свое благодарѣнїе и нима су благодарна: а овай доле у рупи, кога ты челоуѣкомъ называшь, неблагодаранъ е. Боимсе, да ши за швое добро злымъ не плаши. Я овде на подножїю планине живимъ, и желимъ ше опешъ видиши, да ши могу на швоіой любви захвалиши.

Ахметъ не взираюћи много на речи маймунове, и другій пуш едек у рупу спусти, да извади челоуѣка, а када повуче, осети, да му е сад много шеже, него пре; почне се радовати, мыслећи, да оногъ бѣдногъ освободїа, кадъ ал опази вуну, зубе, и ногкше лавове. Уплаши-се, и већ скоро едек да испусти, а лавъ прїятельскимъ гласомъ повыкне: не бойсе, извуцы ме
сло-

слободно сасвим; ты у мени добыяшь пріяте-
 ля, кога не морашь презираши. Я имам снаге
 доста, да могу швой живош из несреће изба-
 вити. Вѣруй ми, я ѣу ти више добра за швое
 благодѣянїе учинити, него онай у рупи чело-
 вѣк. Тим речма ободрен Трговац, извуче га.
 Онда Лав, Царь Зверова, рекне: Пріяшелю,
 моя е куѣа у овой шуми, я се надам, да ѣу
 те опеш видиши, и теби за мое освобожде-
 нїе захвалиши. Лав опиде: а шерговац будуѣи
 опеш опш чловѣка молѣн, бацы едек и шреѣий
 пуш. Ал пре него шшо повуче, змїя се веѣ
 была око едека обавила. Онда он разсреѣен
 рекне: Зар су се сви гади у ову рупу собра-
 ли? У том змїя пресече му говор: Не люписе
 рекне, да си ме освободїо: я ѣу ти за швое
 добро дѣло благодарна быши: перва ѣу те ра-
 досшном новином развеселиши: моя ѣе ши
 вѣстѣ, кою ши донесем, опш велике ползе
 быши, ако ме узслушашѣ: а онай е чловѣк у
 ями, неблагодарна и пакосшна шварь. Вѣруй
 ми, нам змїяма на деоби мудростѣ е допала,
 кою вы люди кадкад не имаше. Онай е правый
 злочинац, и нѣга Промысл сад за нѣгова зло-
 чинїя казни; остави га нѣговой судьбини: ибо
 ѣешь се каяти, да си му добро учинїо. Я
 видим, да си ты меканог сердца; ты ме не
 ѣешь послушати, ал чини шшо хоѣешь. Ты

си

си мой животъ избавію, знай да ѣу ти за то благодарна быти. С Богом! я у зиду овог овде града живим, надамсе, да ѣу те ту опеш видиши.

То кад изговори змїя опігмизи, а шерговацъ весма милоспивъ будући нїе могао послушати нѣзин совѣш, него бацы едек и четвертый пуп, и найпосле челоуѣка извуче. Сердце се у нѣму смути, када види, да е сав побледію. Овай несрешникъ падшїй на колѣна, спане му са сузама благодарити за свое избавленїе, гворећи: Сваку каплю крови, коя кроз мое жиле пече, хоѣу, великодушный Избавишелю, радосшно за тебе и за твое добро пролиши: нишпа тако не желим, него да ми Промысл да прилику, да све шпо имам, и шпо е у моим силама, за твое добро жершвуем. „То су речи Русшемове, кои вмѣсто да осведочи свою благодарность, почне свог благодѣшеля овако вараши. Я се зовем Русшем, и есамъ благородный из овог сосѣдног града. Краль мечини своимъ Везиром, и преда ми свое дитє на воспитанїе. Я станемъ опправляти мое званїе вѣрно и ревниво; алъ Принцъ будући зачелоуѣк, нїе се дао моимъ наставленїемъ поправиши, него се преда найгаднїой неумѣренности и раскошшству. Я то Кралю опкрывем, алъ Кралица, Принцова мами, спане га бранити;

и тако я будем непослушан. Найпосле нѣгова се беззаконія и злочинія тако преумноже, да е она Краль мораѡ видити. За шо зашворига у нѣку усамлѣну твердыню, коя близу ове шуме стои. То усмотривше мои злотвори све неваллство младог Принца мени припишу. Неблагодарный Краль нима вѣруюћи лиши ме не само званія мог, кое самъ с толиком ревностію совершивао, него ме іоште безчестно из свог двора опера. Юче увече спигнем у ову шуму: испом шшо у мени почнем, пун печали, о неблагодарности людской шужитисе, кад ал паднем у ову яму, гди су гадна ова зверад была, шы си ме сад, великодушный освободителю, из нїова дружества избавіо. Я бы без сумнѣ у кратком времену быо плѣнь нїове глади и люшости. То изрекшій почне се люпити на неблагодарность людску, и на неправду Владѣтеля: овом приликѡм многие лепе пословице изрекне: кое када чуе Ахметш, помысли, да е нѣкоегѡ мудрог чловѣка избавіо. Найпосле оконча она варалица свою бесѣду овако: Я живим на западной спрани овог сосѣдног града, молим те, ходи самном, да ши, ако ничим другим, поне с моим малым дочеканѣм, мое благодарно сердце покажем.

Ахметш учпивому Везиру на шом позыванію захвали, и своим опиде пушем, радую-

С

ѣисе,

ґисе, што е добро учинію дѣло. Дойће у Персію, ту што бы годъ почео, све бы му срећно ишло. Свое діаманте скуплѣ прода, него што се надао: нѣгово бы се богатство свакій дан умножавало, возобновисе у нѣму желя, опет видити свое опечество. Пойће тамо, и узме путь кроз ону испу шуму, гдѣ е пре нѣколико година чешыри она плѣнника из замке избавіо. Ту се он с великом радостію лепе беседе благодарног Рустема опомене, захваливаюћи у исто време оным прима зверма, што нису тако доброг челоуѣка убили, не мыслећи при том ништа на нїова обѣщанія; кад ал у исто време чеша разбойника на нѣга нападну: коня, новце и покупованый бисер отму му, а нѣга гола свежу за древо, и онда се разбегну.

Бѣдный Ахмет нїе смео выкаши, боеґисе, да небы на нѣгов глас люта какова зверь дошла. Дугосе мучію, небы ли какогодь окове распргнуо, ал все. О нѣи шаруґи непрестанно руке и ноге, рани обое. От превелике муке почне из гласа яукати, да сва она страна заечи. Дойће шай яук и до ушію великог маймуна, кой близу тог дрвета живяше. Како тамо дошрчи, от ма позна свога избавителя, на едан пупт скочи к нѣму и прегрызе зубы шпранкс. Ахмет, ксе от глади, кое и от

вели-

Великог напрезаня и шруда полумертав падне пред ноге маймунове. Онда овај узме га у наручай и отнесе у своју пещеру; нарани га дивнимъ воћем, и начини му лежиште оп сувог листѣя. Онда седне покрај нѣга, почне га, милуюћи му руке, тѣшиши. То Ахмета охрабри; дойђе опет к себи, пак онда спане добросердечном маймуну казивати случай, кои га е у ту напастъ довео. На то маймун, знауюћи, гди се разбойници налазе, крадом се к нима увуче. Найђе и у дубоком сну, а покрај нѣи велике кесе пуне новаца. Маймун шикесу најтежу на леѣа, пак с нѣом, пун радости, бѣж' у своју пещеру: Донесе и нешто одѣла за свог нагог госта. Ево рекне он, полагаюћи добытак свом благодѣшелю пред ноге, ево ти опет твое изгублѣно добро: я се радуем, да самъ те послужиши могао.

Ахмет захвали маймуну, обучесе и с кесом новаца опиде. На пуну помисли, да се сврати Русшему, свом прѣшателю; шуђе моћи, мысліо е, коня за свой далій пунъ купиши: он е веѣь на пред себи изобразіо радость ону, кою ће честный Везир чувешвовати, када га тако изненада опази. То сладко представлење учини, као да на леѣи ништа и не носи; ал на едан пун рыкне Лав и пред нѣга испрчи: онда сва она нѣгова сладка воображенія пре-

спану, ноге му се от страха укоче, и помысли, люта смърть сад га неће мимоићи. Ал чуда! Лав позна свог преѣашнѣг освободителя, ком полагаано присшупи, любовно с репом махаюћи, рече: Ходи пріятелю мой и благодарителю у мою пещеру, да те Лав почасти, кои ти жели благодарити за свое освобожденіе.

Ахмет знаюћи маймуново прама себе владанѣ почео е радо имати живошна, и с лавом опиде: путем каже, што му се случило, како га е маймун любовно пріиміо, и шпешу му накнадіо. Лав хвалећи поступак маймунов, призна, да е то весма лепо. Ал да се и он не покаже маиѣ благодаран и великодушан, него слабый подданик нѣгова Царсва, замоли свог госпа, да бы га овде у нѣговой пещери мало причекао, он ће сад доићи. Међу тим лав по шуми мушећи, наиће на Принца Бехадира, кои ловећи быо се от свои служителя изгубіо. Овай Принц баше немилостив и неправедан муж: за то га е Краль, нѣгов оцац, и сад іоште у пвердыни ове шуме затворена держао. За ним су слуге морале свуд ићи, и на сваку нѣгову спопу пазити, а сад срну нагло тераюћи мало се поудали от свои стражара: ал тако е, кога промысл Божій хоће да казни, онай сам и своевольно у бѣду и несрећу шрчи. Лав како смотри нѣгов ве-

ликолѣпный и с многими діаманты украшенный шурбан (калпак), онай час на нѣга нападне, оборига и раздера. Онда узме шай богатый калпак у зубе и донесе свом госту, као малый нѣкій знак нѣгове благодарности за избавленіе. Ахмет с шим калпаком неизброено благо добые. Радуюѣисе о благодарности зверова, узме пушь управ у град к своему пріятелю Русшему, да му свою велику среѣу яви, мыслеѣи да ѣе га и он тако любовно дочекаши, као и ова дивія зверад: ноге су му от радости лагке постале: сунце іоште ни е было опско-чило, а он е веѣъ быо код врата градски: свуд се чуло было, да е Принц убіен. Слуге су нѣгово шѣло полурасчупано нашли у шуми. Но због оног драгоцѣнног калпака, кога не могоше найѣи, іоште е сумня была, ил га е какова дивія зверь распргнула, или су га разбойницы убили, а нѣгово шѣло тако нагрдили, само да бы свое беззаконіе болѣ ушайши могли.

Ахмет о свему шом ништа незнаюѣи распыта за дом свога пріятеля; а када га види, загрли га и полюби; онда му искаже свое чрезвычайно приключеніе. Изнесе поклоне маймуневе и Лавове, и от нѣга совѣш иште, како бы шай скопоцѣнный калпак найболѣ продати могао. Русшем, док опази калпак, позна, да е
Прин-

Прінцов. Нитко сад радостниі него он. За-
ишта се надао, да ће овом приликом Кралѣву
милостъ опет придобити. Но проклетый
Рустем сакривши добро свою злоѣу, рекне
свом госпу: Любезный мой пріятелю! Ты еди
и пій, и буди ми добре волѣ: Я ѣу, док ты
оп швог пешког пуша оппочинешъ, калпакъ
гдиком Іувелиру опнеши и пышаши, по што
бы они то драгодѣнно каменѣ цѣнили.

Ахмет тако учини, како е нѣгов домаѣин
захтевао; Када се нарани и напои, легне спа-
ваши. Ал Рустем меѣу шим с калпаком не
Іувелиром, него управ Краљу, пак почне овако
говорити: Господине! я самъ едног оп оны,
кои су швог сына убили, изнашао; ево ово е
калпак Прінцов. Я добро познаем ово каменѣ;
ибо самъ и я сам купію, іоште када самъ у
швом двору быо. Почне ши онда о несреѣи
Прінцовой најжалостниіе шужити, спане и
плакаши, као да се чини, да он веѣ ни гово-
рити не може. Краль му захвали на шом нѣ-
говом откровенію, и помысли, да му е доста
жао учинію, када чуе, да она пришворница е
толиком милошѣю о нѣговом несреѣном
сыну говори.

Краль таки пошлѣ спражу у дом Ру-
стемов, коя Ахмета найѣе, а он іоште спава,
свеже га и пред Краля доведе. Ты злодѣю!

рече

рече му Краль, како си се усудиши смео, то-
 лико зло учиниши, и мог сына убити? Казуй,
 кои су твои соучасници тога богомерзског
 дѣла. Сирома Ахмет, чист и прав, знаюћи
 да никакова зла нїе учинїо, зачудисе на шїй
 вопрос. А када опази код престола шурбан
 то естѣ калпак, и свог невѣрног прїятеля, кои
 се на нѣга с презренїем осмѣяваше, тако се
 уплаши, да сав задркши, онеми и обневиди.
 Те знаке узме Краль за тайно признанїе нѣгове
 кривице и рече: Вуцїте тог злодѣя, мепнигега
 на осла, и водите по градским улицама, Херолд
 (Выкало) пред ним да иде, и нѣгова злочинїя
 нек разгласуе: по том верзїте га у мрачну там-
 ницу; ту после погребенїя мог сына невалялый
 свой живоп с найвећим мукама до оконча.

Кралѣво повелѣнїе онай час испунисе: бѣд-
 ног Ахмета народ, колико бы годь могао и
 знао, стане безчестити и врећати, найпосле
 баце га у некакову дубоку тамницу. Ту стане
 он шужиши, и уздысати на свою лудость,
 што нїе послушао совѣт она три звѣра, и
 што се овом невѣрном Рустему повѣрїо, сва-
 кїй е час очекивао найбезчестїю смерть, и
 већ на то е было гошов, кад ал змїя, коя бы
 свагда бодро на свог избавишеля око имала, у-
 вучесе к нѣму у тамницу и почнему гово-
 риши: „Нисамь ли ти предсказала, да е овай
 чело-

человѣкъ тварь отъ свою найнеблагодарнѣя, да
 те ти за твое добро злымъ вратиши? Но я
 самъ ти обежала у нужди помоги, као што
 си и ты мени учинио; ево ти моя речь, узми
 ову праву, и знай, да самъ я любезну супругу
 Кралѣву смертно уела; нѣной рани само е ова
 права лек. Краль е сад у великой скорби,
 он те радостно прѣимити: ибо вы люди
 шаковѣи сте, да оног, без ког быти не може-
 те, радо прѣимаете и дочекуете. Ахметъ,
 своѣмъ несреѣомъ научен, како е добро и по-
 лезно дѣлати по совѣту мудре змѣе, учини,
 како што е она заповѣдила. Межу тимъ чуесе
 у дворѣ за некоегъ сужника, вѣща у леченю
 отъровны рана: за то Ахмета таки доведу ко
 Кралицѣ: онъ метне праву отъ змѣе добыену
 на рану, и Кралица онагъ часъ оздрави.

Када чуе Краль, да е нѣгова мила супруга
 тако брзо оздравила, ни е знао отъ радости
 што те чиниши; ибо е заиста мыслѣю, да она
 отъ смерти не може ушеѣти. Ахметъ ову до-
 бру прилику употреби, и почне овако гово-
 рити: Господине! висока Кралица, твоя су-
 пруга освобождена е отъ оногъ лютого бола: моя
 е рука нѣзинъ животъ повранила; а я бѣднѣй
 мой животъ окончатѣи морамъ съ найгрознѣйшѣмъ му-
 хама, кое нисамъ заслужѣю. Господине! ты
 си тако праведанъ, да онога, кой е правъ, не
 тешишь

Ћешь убиши даши. Я нисамь убійца швог
 сына. Рустем, кои ме е код тебе обшужіо,
 ешь мой скаредный издапель; он е мысліо
 швою милосшь, изгублѣнну за свое невѣрство,
 опеш придобыши моим погубленіем и несреѣом.
 Онда му сва своя чудесна приключенія искаже
 оп почешка, до овог часа, када пред Кралѣм
 стояше. Заиста Краль е быо праведан чело-
 вѣк; шаки заповѣди безбожног Рустема до-
 веспи. Овай без душе дошрчи, надаюѣисе,
 даѣе велико награжденіе за свое откровеніе до-
 быши. Ал сав побледи, када види Ахмеша
 сужника код Краля. Овай га запыша: Ели ово
 онай истый чловѣк, кои е тебе и она при-
 звѣра из рупе извадіо? Рустем никуд ни камо,
 него опговори, да ешь. Еси ли му, пыша
 Краль далѣ, буди с чим за нѣгово благодѣя-
 ніе захваліо? нисамь, муцаюѣи опговори небла-
 годарный Рустем. Еси ли ты нѣга као госта
 у швой дом пріиміо и с ним ео? Ту Рустем
 занеми. О ругобо людска! рекне Краль: ша
 ты шужишь и кривишь швог избавителя, швог
 госта, да е он найвеѣа зла починіо, само за
 шо, да ты швой незаконный живот сакрыешь.
 Ты си мог сына с швоим нечистым духом о-
 провао, ал я самь ши опростіо заслужену пла-
 ту због невѣрства швог, и нисамь хошео зло-
 чинца због нарушенног добра казнити, кое
 нисамь

нисамъ морао нѣговымъ нечистымъ рукама повѣриши преѣе, него што бы нѣгову чистошу искусію. Ал я самъ сад судія у шуѣой, а не у моіой спвари: за то, Везиру, налажем ти, заповѣди овог нечовека на нѣгово поруганіе по улицам водити, и нѣгова злочинства чрез Херолда разгласити; а када буде от народа доста поруган, онда у тамници полагаю, а не на едан пун, да почине. А овог странног обдари, што богатіе можешъ; сам ты на мом белом слону водига кроз град, и пред ним дай выкаши ове речи: Краль е Ахметову невинностьъ открьо, и за то га почише.

Тако е праведный Краль говорію. Везир нѣгово повелѣніе найболѣ испуни; Рустем у дубокой тамници умре; а Ахмет богаш и пун задовольства опише на праг у свое опечество, научен и он и Краль, да не треба ником вѣровати, кога ниси познао, ни оног за пріятеля узимати, о ком нѣгова преѣашня дѣла зло сведоче. То е Кралю! рече Везир, моя Історія. Слѣдуй нѣой; нѣе ли ти мое искусство доста; а ты послушай свидѣтельство овы благодарны звѣрова.

Скуп Терговац из Багдада.

Карасан Терговац Багдадекій баше због свое скупости и превеликог богатства свуд по цѣлом востоку на гласу. Нѣгова е фамиліа мрачна и сасвим непознаша была. Но радливым терпѣніем и непрестанным трудом постане богатым. Докле е было сиромом; держали су га за мужа податна, ал с богатством расшла бы и нѣгова скупость. Што бы манѣ прошио, то бы му миліе было. Нѣгова склонность к благодѣянію толико бы слабила, колико бы нѣгово расшло имѣніе. Рука временна нѣгову главу поспе снегом и учини, да нѣгово сердце прам состраданія отвердне. Свагда бы нѣговом странним затворен было, и рука бы нѣгова убоге оп себе опискивала.

Но хопя да е он тако немилосерд было, опет бы свагда нѣкій страх Божіе казни у себе чувствовао: за то небы никада време молитве пропустио; он бы се више старао за видиму, нежели за истиннишу побожность; при пун е храм и гроб пророков походіо. Но ако е страх Божій с чловѣколюбіем союжен, онда нам высокопочитаніе и любовь придобья: а лицемѣрство, кое с преварливым лицем хоће, да ослаби клепву удрученны людій, подиже на нас всеобще негодованіе и мерзость.

То

То се исто скупом Карасану случи: ибо за ным бы свакій, када бы он у церкву ишао, с шайном мерзостію гледао; он бы преће него што бы тамо пошао, у свакій угля свог дома као с нѣким страшливым невѣріем завиріо, и по седамь пута врапа бы заключавао. Никаковый сирома, покрай кога бы он прошао, не бы от нѣга милосшынѣ искао, ниш бы га шко поздравіо, хотя да е у цѣлом граду познан быо.

Тако е он дуго време живіо, и шко бы годь о нѣму говоріо, свакій бы га скупым Карасаном называо. На едан пуп, ником и не надаюѣисе, яви чрез выкала, да е у сред града нѣкій прекрасный дом узео, да шу невольне рани, и спранне дочекуе. Народ се таки, као рѣка, пред нѣгов дом стече; шу он почне гладным раздавати хлѣб, и голым одѣяніе поклоняти; он бы сад са соболѣзнованіем на ніову нужду и пошребство сматрао. Нѣговы бы образи от внутреннѣ нѣке вапре горели. Свакій се сад почне дивити той чудесной премѣни; весело шаптанѣ многочисленног людства премѣнисе као звук грома, кад се приближава, у велика восклицанія. То изявленіе благодарности Карасана іоште веѣма дирне у сердце. Он да Народу знак, да жели говориши; выка се утоли; сви се с вниманіем к нѣму окрену, и он почне говориши:

Оном, кои планине чини, да се дыме, када и се додирне, буди слава и честь во вѣки. Он учини мой сан вѣстником нѣговог наспавленія, и пошлѣ ми ову ноѣ видѣнїе, кое ми душу мою просвѣти. Седеѣи я сам у мом Харему, броїосамъ при слабом свепленю кандила добытак ош мое трговине; и радуѣисе о умноженю богатства мог, паднем у дубокїй сан: десница оног, кои на преѣм небу обитава, дойѣ на мене, опазим ангела смерти, нисходяща, као огненный выхор; он ме удари преѣе, него што самъ я нѣгову руку моїом молишвом обезоружити могао. Онай час чувствуем, да самъ ош землѣ дигнуш, и у воздух прехитро ошнешен: земля се моим очима тако малена учини, као росна капля и звезде у самом пламену тако се свепляху, да се сунде помрачи. Онда ми се райска отворе врата, и подика ме сянность предусрепне, кою око чловѣческо сносити не може. Нека тайна сила ошвуче ме пред престол Всемогущег, гди ѣе ми се вѣчный изреѣи суд. Време искушенія мог пройѣе; но ни едан грѣх из мог живота не могаше се избрисати, ниш на мѣсто нѣга добро какво дѣло донешнути. Моя коцка падне; ню не могаше никакова Натуре сила више пременути. То мыслеѣи устрашимсе и опчаем. Дрктаюѣи стоях шу;—и мучеѣа
шуга

штуга лежаше ми на сердцу као нѣка планина, кад ал из блистанія огня, кои предамном гораше, глас говорити стане.

Карасан! твоя побожность нѣе прїимлѣна: ибо е она само лицемѣрїе была: не може ни швое правдолюбїе награжденїе добыти; ибо е оно корыстолобиво было. Твое око ниш е на небо с благодарностїю, ниш на швое сограждане с благодѣтельным сердцем погледало. Беззаконїя и лудости твои ближни не могу швою скупость оправдати, иначе бы мы благодѣтельность неба осудити морали. Не сїя ли сунце свим еднако? Не пада ли роса из облака како на грѣшнике, тако и на побожнике? Не привѣявал' дыханїе пролѣтно здравлѣ свим еднако? Не изливал' рука есени како на луде тако и на мудре полный свой благослов? Помысли Карасан, да се швое сердце прама нужде бѣдны окаменило, и да си шы швое богатство с гвоздемым рукама собрао. До сад си за тебе самог живїо, а оп сад ћешь оп свѣшлости небесне, и оп зрѣнїя свїю тварїй оплучен долгошу будущег времена сам проводиши. Пуста самоћа продужаваће ти полагаано текуще часе вѣчности, а мрачность умножавати страх швог опчаянїя.

У шай истый час спопадне ме нѣкїй невидимый сильный выхор, и опнесе кроз ведрый свод.

своѣ созданія. Ту видим безчисленне светове,
 гди покрай мене, као мунѣ, пролазе. А када
 се приближим краю созданія, очи ми се укоче
 гледюћи у нѣву тамну празнину, којой не баше
 конца; нѣзине се пропаспи предамном отво-
 ре; страшна бездна тишине, пустынѣ и ноћи.
 При том погледу спопадне ме ужас, ком ни и-
 мена ни мѣре найћи не могу; уздысаюћи от
 прешежке муке и туге чисто ми се сердце
 надме. О! речем у себи, да самъ на вѣк у
 тамницѣ ввержен, гди су и другіи осуѣеницы!
 шу бы ми от све неволѣ риданіе и плачъ
 нѣ в на умекшаніе муке моѣ быо, и подгры-
 зающій огнь са своіом свѣтлостію на утѣше-
 ніе служіо. О! да самъ бачен у какову годъ
 комету, коя се после хиляду година само едан
 пуш у поля свѣтлоспи и живоша враѣа, опеш
 бы мы у овом лугом времену и мѣсту хладне
 мрачности надежда к далеком возвращенію свѣт-
 лила и та бы ми премѣна вѣчностъ у неко
 само време обратила.

Докле самъ я тако мысліо, изгубимисе
 изпред очію послѣдня звѣзда; найпосле нѣзино
 слабо свѣшленѣ угасисе, и найѣе мрак, да се
 перста пред очима ніе видало. Моя е мука због
 отчаянія свакій час растла; свакій самъ час от
 послѣднѣг обитаніемог свѣта далѣ и далѣ у
 дублину вучен быо. У тяжелой моіой муки и
 туги,

пуги, коя се умножаваше, помыслим: О! да ме е десет пути хиляда година тако далеко отнело, да ме само она сила спигнути може, с којом е безконечность напунѣна; то бы ми се опет нова без края пропасть мрачности показала, по којой бы јошт непрестанно сам шумарати морао, све далѣ и далѣ и во вѣки далѣ. Сад пружим руке к полям созданія с толико презаюћом желѣом, да се пробудим.

Ово Божественно видѣнје, говори Карасан далѣ тишѣим гласом, научи ме, да е највеће добро оно творенје, кое с нами нашу нужду дели; мученје, кое самъ чувствовао, чезнући за утѣшеніем, увѣри ме о цѣни человѣколюбія. Опет се у мое сердце соболѣзнованіе поврати, и оно се к милосердію отвори, गरेћи от желѣ, да свою срећу дели са свима оныма, от кои е она произишла. О како бы ми у оной пустой самоћи, на кою самъ осућен быо, едан от оны сиромаха, ког самъ я без дара от мои врага отеривао, са своим утѣшеніем пріяпан и драгоцѣн быо! Свію рѣка злато, и драго каменѣ свію планина, радостно бы дао, само за едан нѣгов поглед.

То изрекши умолчи Карасан, гледаюћи на небо с благодарностію и спрахопочипаніем. Людство, кое га е слушало; пробудисе као из нѣког ужасног сна. Калиф, ком е по приключеніе

ченіе на нѣгово увѣщаніе сказано было, заповѣди своим писаром, оно на ползу пошомком у лѣтопис увести, да свагда и во вѣки у памети остане.

Пріятели и Новцы.

Нѣкій богат Музелман позадуго болѣзнуюѣи; зачудисе, да га ни су два или три пріятеля нѣгова посѣпили. На шо нѣгов рачуноводец отговори, да они пред нѣга за шо не смею изиѣи, што е дошло време, дуг исплашити, а они шо іошш не могу учинити. Иди, рекне болеспник и кажи им, да они от данась више нису мои дужници, него да и я молим, да дойѣу и донесу свое квитце. Я волим изгубити мое новце, него мое пріятелѣ.

Пріятели.

Нѣкій богат Терговац имао е единца сына, ког всесердечно любяше. Он бы се опвѣѣ старао, како бы га найболѣ воспитати могао: за шо не бы ништа изоспавіо, што бы се годь клонило ко поправленію нѣгова сердца и изображнію ума. Када е дете у године юношества ушло, онда оцац призове га к себи,

и почне говорити: Мой сынко, свему самъ те научиши дао, што свакиъ человекъ швога реда и состоянїя знати мора. Ал найпре и найпре нужна ти е ова мудрость, да научишь гдикоя свойства и склонности людске познавати: за то верло самъ рад, да бы ти кою годину по свѣшу идући провео. На пушешествїям собирамо искусство и науку; ибо што выше человекъ людїи види, с тым болѣ зна с нима живиши. Свѣш е подобенъ каковой великой книги, из кое внимательный читатель весьма полезную науку почерпсти може: Свет е као огледало, кое нам каже право, каковїи су люди: огледайсе на то често, мой сыне, и научисе оной мудрости, коїом памешанъ найвеѣу среѣу живоша придобыва, ш. е. прїяшеля. Найѣшь ли само едног у шеченїю живоша швог, то си стекаоъ najlepше и najпостоянїе добро, кое от тебе нишко, кромѣ смерти, отети не може. Богаштво и среѣа може нам се на хиляду начина из руку испргнути, ал овог сокровища никакова сила человекска не може лишити. Спарайсе дакле на швом пушешествїю шакую драгоценность найћи, и не двоуми прегорети за ню найскупоцѣнїю стварь, ако бы нужно было. Ту ошачъ престане, а младїи, када се с ним опрости, узме пушь предасе. Дойѣе у сосѣдну землю, забависе шу

неко

неко време, пак епо ти га опет на праг, пре него што е оцац и помислио, да е он тамо учинио познанство. Зачудисе он о нѣговом лако скором возвращенію. Запыта га: Сынок! што си се ты тако берзо врапио? Младић отговори: Ты си ми заповѣдио допле странствовати, докле не найдем пріяшеля; а я самъ и 50 нашао, кои су примѣр правы пріяшеля!

Мой сыне, отговори Терговац, не буди тако подапан тим светым именем. Ты си зар на ону пословицу заборавио, кою самъ ти, када си полазио, препоручио и дао: Не хвали пріяшеля преѣе, него штога не искусишь: решки су пріяшели, мой сыне. Премного ихъ има, кои се тако называю, не мыслећи, шпаша речъ значи. Я такове налазим, да су юшреной магли подобни, кою таки первыи сунчанніи зрацы растераю. Они, када виде, да е онай, кой нѣовым сладким речма вѣруе, лагкомыслен, онда с ним тако почну радиши, као полупіян с пуным стакломъ вина. Он га чува, докле е сладким соком напунѣно, а како га испразни, а он с ним о землю. Я се боим, сыне, швоиѣе, чинимисе, пріяшели подобни быши оном піяном.

Твое невѣріе, оцац, ніе праведно, рече младић; я самъ увѣрен, да бы ме ови добродѣшелни люди, кое я мое называм пріяшелѣ,

тако любезно прїимили и онда, када бы к ним сиромашан и у каквој несрећи дошао. О! рече спарац, я живим ево већ 70 година, было самъ срећан и несрећан, много самъ людїй видїо и познао, но у том дугом живошу едва могох само едног прїятеля спешїи: а ты си ихъ 50 нашао за неколико месецьей іошп у оным годинама, када е младостъ легкомысленна. Ходи мой сыне са мною, и научисе от мене сердца чловѣческа познавати.

Терговац заколѣ янца, пак с ним у врећу, а с кровїю нѣговом одѣяніе сына свога намаже. Маћу тим, када се смркне, он врећу с ярцем младићу на леѣа, пак научи га, како ће се владати, и тако оппущую. Када најближем от оны 50 прїятеля дойћу, спане младић на враши куцаши. Нѣгов му прїятель шаки отвори, пытаюћи за узрок тако поздног посѣщенїя. Младић гошов е было и отговори, да се у несрећи прїятели познаваю. Ты се мыслим и сад опоминѣшь, што самъ пи много пуша казывао, да от многог времена прае не прїятелство измећу мое фамїліе и нѣкоег знашног Дворянина. Ево сад сусретнемосе на само, едан на другог ударимо, и я моїом несрећом убїем га. Сад боећисе, да не бы то убїйство на свѣт изышло, метнем нѣгово тѣло у ову врећу. Молим те, сакрый оно

у швом дому, докле не найдем каково шайно мѣсто, да га могу закопати.

Пріяшель намршпен отговори: Моя е кућа малена, едва се могу живи, кои шу обитаваю, смесити, а куд бы јоште с швоим мершвацем. Осим тога сваком е познашо, да си се ты са убиенным зло живіо. Свакій ће шаки помислиши, да си ты кривац; то ће се испраживати, и без сумнѣ от мога ће се дома почети; ибо сваком е наше пріяшельство познашо. Дакле бы и мене у несрећу заплео, а с шим се не бы ты помогао. Него толико ши могу учиниши, да сачувам шу шайноспь.

Забадава младић моли и плаче, да му у нѣговой нужди помогне: Пріяшель све хладніе и кратће отговора, докле младић најпосле с своіом опасном врећом не опиде. Дойће другом пріяшелю; ал и от овог такоћер буде отбіен, и шако редом от свію 50 помоћи тражіо е, ал послѣдній шако га пріими, као и первый, зашвори по многом изговараню за ним враша.

Онда рече шерговац свом сыну: Еси ли се научіо, како се мало на виѣшнѣ показыванѣ людій ослонути можемо? гди е сад велико пріяшельство овы людій, кое си ты шако славно хваліо. С швоіом несрећом и любовь е ніова угасла. Они су пред моим очима помазани дуварови, бездождни облацы и неплодна

дре-

древеса. Сад ће се видити различіе између твои 50 пріятеља и мог само едног! У том стигну до врага оног мужа, кога е отац свом сыну као примѣр правог пріятелства описао. Како куцне не враги, онај га позна, шаки запыта, За што тако касно? Терговац му каже измышленну несрећу свог сына, и моли пріятеља, да бы оног мертвог код себе сакрыо.

Хоћу, рече он с радостію; моя е кућа доста велика; ако ће хіляда мертвы быти, сви се могу спремити. Никакова ме бѣда неће уплашити ни задржати, што се тиче тебе и твог сына: на ваше избавленіе све што могу употребити ћу: я ћу тебе и твог сына на моя добра отвести: шу вы можете безбѣдно и пошайно живити, небоећисе, даће вас кадгод суд тражити.

Терговац када благодари свом пріятелю на иѣговой великой любви, каже му: Я самъ шу повѣсть само за шо измыслио, да покажем легкомысленном мом сыну, како треба ложне пріятелѣ отъ правы разликовати.

К а р у н.

Муамед рече едан пунт своим учеником: Браћо моя, чините людма добро, као што и Бог вам чини, и ослонитесе на иѣга више, него на человекъ-
ловѣ-

ловѣка: бойшесе судбе несреѣног Каруна. Он е быо Моусеов ближній сродник. Пророк гледаюѣи га, гди се мучи, почне о нѣговой бѣдной неволи сожаловаши и из милосердія научи га художеству, мешалла у злопо преобраѣаши. С том вешшином Карун весма се брзо обогати, но купно и неблагодарным, скупым и безбожным постане. Почне Народ прошив Моусеа бунити, и не хотяше дати Богу богово, и Цару царево. Ал на то се Бог найвише лютио, што ни сузе бѣдника Каруново сердце ни када умилиши не могоше; оне бы от нѣговог каменитог сердца, као дожде каплѣ от пучне кугле отскакале. Видеѣи Моусей, да е сва средство благости и терпѣнія всеу кушао, моли Бога, да бы овог соблазнительног грѣшника, кои се никако исправити не да, здраво казнио. Накажи га ты, отговори Господь, яши га са свима нѣговима предаем. Онда Моусей заповѣди земли, да се отвори. Ова зине и прождре Карунова стада, по том нѣгове шаторе с покуѣством, найпосле нѣгову шакоѣер скупу жену и безбожну децу. Но толика оспрота казни ніе могла от овог окамененог грѣшника ни найманій знак раскаянія отчупаши, докле найпосле и сам не осети, да земля под нѣговым ногама шоне, и пропасть нѣгова колѣна веѣ обколи. То страшно при-

ключе-

ключеніе сломи нѣгову упорность; покорисе пред Моусеом, молеѣи га чешыри пуша за опрошпеніе. Но касно е было: Моусей пусти га да пропадне. Моя Браѣо, рече Муамед далѣ, безбожный Карун шу е свою несреѣу заиспа заслужіо, но после нѣколько дана рече Бог к пророку: О Моусее! Карун тебе чешыри пуша за опрошпеніе моли, и ты неумолимь оспа. Да се он к мени обратіо быо и само едан пуш молю, я бы му опростіо быо.

Увреѣенный Дервиш.

Султанов любимец неког сиромашног пустытника, кои га моляше, да му што удели, каменом удари. Осрамоѣенный священник нашо нѣ смео ништа реѣи, него дигне испый камень, и са собом га понесе, мыслеѣи у себи: я ѣу, буди када, прилику добыти с овым истым каменом осветишисе оном горделивом и суровом человѣку. После нѣколько дана чевыку на улици, распыша и раззна, да е онай любимец код Султана у немилость дошао, и сво овай час по Султановой заповѣсти на камили по улицам проводе га и сваком е слободно учинити му какову хоѣе неправду. Дервиш таки за свой камень; но брзо к себи дойѣи и баѣы га у бунар, говореѣи: Сад я осеѣам,

да освета никада ніе добра: ибо ако е наш не-
пріятель силан, то е непамятно и лудо пра-
жиши освету; а ако е у несреѣи, то е онда
опеш што худо и безчеловѣчно.

Несреѣный Удар стрѣле.

Султан Сандіар бѣше праведан и великоду-
шан муж. Нѣгово бысе име и по смерти со
испом любовію и почитаніем споминяло, како
годъ и за живота. Када се он едан пун после
дугог раша у свой престолный град, Салика,
враши; побѣдоносно воинство за ним носяше
вѣнце нѣгове храбрости, с помпом найвеѣом,
да су сви гледати могли. Народ, за дочекаши
га, нагрне; сви пушови бяху с людма пуни,
кои бы се опимали, да виде тай славный
вход. Прозори и рогли, куд е шай провод
ишао, све е крчило оп любопытливы зрише-
ля; нишко выше мѣста ни е имао. Сын нѣ-
коег сиромашног Дервиша, дете оп 8 годи-
на, и оно будуѣи као дете любопытиво,
попнесе на самый верх нѣке палате, опкуд се
тако мадено чиняше, као ппичица. Султан
туда пролазеѣи смотри оно на крову бело
пяшно. Он и тако любитель оп ппицолова,
а и да покаже народу свою вештину на оной
мнимой ппици, напрегне лук, стрела проуи,

а дѣте мршво пред нѣга падне. Султан оп
страха сав пребледи, скочи с коня и падне на
тѣло убиенног дѣтеша. Ту спане полу оп-
чаян за ним, као за своим роѣным сыном,
шужиши и плакаши: дозове дѣшина опца; уз-
мега за руку, и под свой опведе шатор. Када
му каже, да е нѣговог убіо сына, метне голу
саблю покрай пуне кесе новаца, и почне овако:
Я бы се могао изговараши и казаши: убіо-
самъ га нехопице; Ал мой изговор не може ни
швою шпешу накнадити, ни жалосъ ублажи-
ти. Теби е познаш наш закон. По нѣму,
ако ми допустишь кровь сына швог с новчаном
казнью умириши, то узми ово злато: ако ли
хоѣшь кровь за кровь, ево овде ове саблѣ,
я ши мой живот у швое предаем руке. Не
боисе ништа; я самъ се за то постарао, да
шы слободно и без препятствія оптиѣи мо-
жешь. На то дервиш, падши пред ноге Сул-
танове: Ах Господине! швое достоинство,
а ѳоште више швое правдолюбїе чини те выш-
шим оп други людїй. Бог да ме сачува таковог
беззаконїя, да бы я мою грѣшну руку на све-
тый живот мог Краля нанео, кои за благо-
стоянїе свог Царства дан ноѣ бди, и кой
свако благополучїе свима и жели и чини. На
мога е сына ша пала коцка.

Ты ниси, Господине, крив за нѣгову погибель, ниши я смем за нѣгову смерть, на кою е от Бога осуѣен, новце от тебе узети. Я бы сам с радостію сад пред тобом умрею, када бы с моим живошом твой живош макар с едным даном продужію.

Султан бѣдног опца с милошѣю подигне, и рекне; твоя безкорыстна честность достойна е веѣг награжденія; я те поставлям первым Судіом у мом граду: ибо люди, кои честно мысле и раде, сотворени су на то, да судіе буду свое браће.

Вѣчный Тереп.

Калифа Хакам любяше велелѣпіе: за то науми верпограде свое и палате украсити и разширити: покупуе дакле све, што е шу близу было землѣ по то, по штосу господари хотѣли. Само се една удовица найѣ, коя нѣ была рада свою прадѣдовину из руку испустити, а ни за што друго, него што е была побожна и совѣстна: за то бы она све презрела и отбацyla, што бы іой се годѣ у име того обеѣавало. Та се нѣзина упорность Надзирашелю Кралѣве палате досади, и опме іой то парче земле силом. Сирота удовица с плачем пред судію дойѣ. У исто време кадія града

града бѣше Ібн Бешир. Овай, када чуе спварь, види, да нѣе добро: истина, закони ясно кажу, да удовица има право; ал е шежко оног Владѣшеля, кой мысли, да то е совершенно право, што он хоѣе, приволеша, да се он своевольно по застарѣлом закону влада. Што е дакле учинію праведный Кадія? Оседла магарца, обеси му велику вреѣу о враш и ошяше онай час у вертограде дворске. Ту найѣе Калифу, а он седи под лепым шапором, кога е дао на прадѣдовини оне удовице начиниши. Краль се зачуди, када опази Кадію на магарцу, и на овом вреѣу; ал іоште веѣма се упрести, када Ібн Бешир пред нѣга падне, и почне говориши: Дозволи ми Господине! да ову вреѣу овом земліом напуним. Хакам допусти. А када онай вреѣу напуни, онда замоли Калифу, да му помогне ону на магарца подиѣи. То се Калифу іоште чуднѣе учини, него све преѣашиѣ; ал да види, шша овай човек намѣрава, помогне му. Еспь, ал вреѣа не да се дигнути. Што е то Кадія, рекне Калифа, ово е бреме шежко, и прешежко. Онда Ібн Бешир лепо и слободно опговори: Господине! теби се чини ово бреме шежко, а не знашь, да е оно само една частица оп оне землѣ, кою си ты неправедным начином оп сироте удовице опео. Кажи ми, какоѣешь ты

шы моћи сву сграблѣну землю носити, када ти ю Судія цѣлог свѣта на страшном суду мешне на леѣа.

То Калифу чисто смути; похвали слободу и мудрость Кадѣину, и онай час удовици сву землю са свим зданіама, на нѣой мешнушым, повраши.

Т а и и Ш е р и к,

и л и

П О В ъ Р Е Н І Е и В ъ Р Н О С Т Ъ.

Преѣ него што е Божеспвенный Пророк свое опечество свѣтом вѣре просвѣтїю, Арапи су были Идолопоклонницы. Они су имали и почиовали два Бога, доброт и злот; сваког бы у недѣли дана по едан пупт свѣтковали; за то бы едан дан быо код ни среѣан; у овай, што бы годь пред Краля изишао, шога бы прошеніе услышано было. А кой бы тако непаметан быо, и у онай несреѣный дан пред Кралѣв прешол дошао, шога бы онай час злом Богу на нѣгово умилоспивленіе жершвовали.

У време Краля Наама ове землѣ, гди е шаковый обычай царешвовао, нѣкій Арап, и-
менем

менем Таи, буде у пустыни поплѣнен, и другом свакояком несрећом у толику нищету доведен, да небы имао за што хлѣба купити, него бы по два дана с дечицом своіом гладовао. На едан пунт опоменесе Краля Наама; овай шако подапан бѣше, да не бы никада сиромашне без какова годѣ дара от себе оппустію. Таи се на пунт спреми; но преће него што пойће, полюбисе са своіом женом и дечицом, и каже, даће у нѣколико сатій опеш код ни бытк, и рану им донеси. Онда, едно своіом неволіом, а друго што се надао, да му помоћ нїе далеко, чисто као онесвестѣен, све бы скоком прчао, докле нїе пред Кралѣв преспол дошао, не мыслећи ни найманѣ, да бы данась дан злог бога быо. А када га Краль смопри, окренусе от нѣга, и рече: Бѣдниче едан! шта си учинію? Зар си у овай жалостный дан пред мое очи дойћи морао? Ты данась умирешь. Ове речи кроз Таино сердце као муня пролете. Сад се он испом опомене на онай безчеловѣчный закон жервоприношенія. Падне пред Краля плачући и молећи само на нѣколико сатій смерть да му опложи. Моя жена и дечица, рекне, ево два дана ништа нису ела; жалостнаће смерть нїова быти, ако им наскоро што годѣ еспи не опнесем. Него дай ми мало ела, и дозволи, да ихѣ іоште едан пунт видим, и на вѣки

с нима се опростим. Ты си праведан, мы-
 слим, нећешь допустиши, да невин с беззакон-
 ником еднако пропадне. Я ти се Богом закли-
 нѣм, да ћу пре вечера опет овде быти; онда
 ми суди; я ћу швом суду радо и без роптанія
 подлећи; я ћу радо умрети. Ове речи Краля
 у сердце ударе, и рече: Бѣдный человѣче! ал
 народ те на жертву ище, и дойћи ће у ярость,
 ако те пустим, да упечешь. Я о теби со-
 жалуем! не могу ти на другій начин швое
 прошеніе испунити, него ако бы имао, кои бы
 за тебе емац было, и себе жертвовати дао, ако
 ты небы швою речь обдержао. Я те жалим,
 ал што ћу; шо е мое землѣ закон, хошя и
 сам видим, да е прешесток. Таи будући спран
 никога шу не познаваше. Жалоспный поглед
 на све, около прешола стояще, бацы, но ни
 едан не смеяше на речь шог спранног осло-
 нишисе, ниши за нѣгову вѣрность добар споя-
 ши. Таи было е већ сасвим у опчаяніе дошао,
 кад ал опази близу прешола нѣкоег мужа,
 кои га благородным сожаленіем сматряше. А
 ты, рече му Таи са сузама, на коего се лицу
 висока и благородна душа блиста, бы ли ты
 могао прошеніе несрећног человѣка и отца
 отбити! Я ти се Богом и людма заклинѣм,
 да ћу ово вече, преће него што сунце седне,
 опет овде быти. Шерик (тако се зваше шай
 племе-

племенитый человек и любимец Кралѣвъ) имао е сердце на речь вѣрны людіи вѣроваши. Окренесе Кралю и рече: Я ѣу емац за Таіа быши. Краль се чисто ужасне, боеѣисе, да онай странный неѣе быши на речи. На Везира здраво погледа; но Шерик остане код свое речи, а Таи с елом к своіой жени и децы ошлеси.

Меѣу тим уреченно време пройѣе; сунце се веѣ к западу почне клонити, а Таіа іоште нейма. Народ на Краля навали, и силом хоѣе жертву умилоспивленія. Сад Шерика везана ко олшару приведу, кой ништа не тужеѣисе тамо слободно ступа. Када е веѣ све кшому торжеству приуготовлено было, и веѣ Священник да пргне каменистый жертвенный нож, кад ал издалека чуе се нѣкій глас. То е было Таин глас, кой бездуше сав знояван и прашан преко поля прчеѣи кроз зачуѣеный Народ продре, падне пред Шерика, отрешити му окове, подигне га и загрли. Дуго га е тако на своем сердцу држао. Найпоследне рекне: Великодушный Шерик! у мало ниси због мог оклеваня умрео. Богу хвала, што самь у време дошао, да ше избавим. Я сад задоволян умирем, увѣрен будуѣи, да ѣешь се ты на мое сироте, жену и дечицу смиловаши и нїи се прїимити. Шерик полюбити га, и почне плакати: хоѣу, я ѣу им быши

быши ошец и пріятедь, и мое добро с нима делиши. Юшше они докле су тако спояли, кад ал на едан пуп Народ глас радости подигне, и на свою грозну побожность заборави. Краль и сви дворяни нѣгови оспану тим позорищем умилѣни. Никада нисамь, рече Наам, вам подобны людїй видїю. Ты Таи, шы си примѣр вѣрности; я шы Шерик, шы си найвеликодушнїи человѣк. По шом окренесе к Первосвященнику; ал овай се веѣ быо на горнїй праг олшара попео, да слово к Народу говори. Вы правовѣрныи! почне священник, Шерик и Таи са своим добродѣтелма разяреног бога есу умилостивили, он више не треба кржаве жертве. От данась жертвуимо мед и млеко, за знак, да престол Кралѣвскїй у свакаї дан нѣговым подданником радостан и благодапан быти мора. То када изговори Священник, народ с восклицанїем одобри нѣгово слово: а Краль любезно на нѣга погледа, и захвали му. Доброг и честног Таю обдари, што е годѣ болѣ могао, а великодушног Шерика спане юшше болѣ миловаши.

Три Прїятеля.

Три су се Арапина инашили о шом, кои ош свїю нѣговы земляка найвеликодушнїи и най-

Е

честнїи

честнійи чловѣк. Едан оп ни рекне, да е таковый муж Абдала, Муамедов стрыц: другій каже, да е Каис, Саадинов сын; а шрећій, да е Араба. Едан другом неће да оппусти, него свакій хоће право да има. Найпосле што ће, него се договоре, да искушеніем тай прекину инаш: за то свакій свом пріяшелю да иде, оп нѣга помоћи да иште и шако да виде, како ће се кои показати.

Первый оде ко Абдали, запече га, а он се на камилу пенѣ, и веѣь му една нога у узенїи бѣше; а када му онай спаде говорити: Сстрыче Пророков, я сад пушум, и у великой самъ нужди. Таки Абдала тргне ногу из узенїе, и предаде му свою богашу камилу, молећи га само, да бы на саблю пазіо, коя о седлу висѣше: ибо е ню оп Али, зеша Муамедова наслѣдіо. Нѣгов пріяшель на штой камилі найће нѣколико парій свилоног одѣла и 4000 Дукаша, ал найскупоцѣнїя стварь была е она Алїна сабля.

Оде и другій свом пріяшелю, и застане га а он спава. Слуга запыта овог странног, што ће с Господаром? Я самъ, опговори онай, на пушу, а не имам новаца. Онда му слуга рече, я не могу мом Господару сан прекидати, нег ево ти 7000 дукаша, шо е све, што у дому имамо. Нег опиди чуваром, и
узми

узми едног роба, и одну камилу. Када се Каис пробуди, и оп роба чуе, што е учинио, таки га освободи говорећи: За што ме ниси пробудио? я бы мом пріятелю іоште више на путь дао.

Трећій свог пріятеля Арабу найће у само сно време, када се овај спремао на молитву пойћи. Будући да е было престар, нит' е могао већь добро видити; за то су га два роба водили. Пріятель испом што наусши, чега е ради дошао. Араба онај час свое отпушти робове, склопи руке и спане се тужити на свою несрећу, да сад у ово време новаца не има, говорећи: Када ништа друго не имам, а ты узми ова два роба и можешь и продати. Човек не ће то да учини; али Араба заклинѣ, ако ихъ не пріими, даће он ни освободити. Сопим оспиви свое робове, и опгмиже пипаюћи рукама по зиду.

Онда она троица, када се свакій са своим поклоном на праг врапи, единодушно изреку; да се Араба између наша три пріятеля највеликодушнійи показао.

Узи любве.

Козроес Парвис, Персійскій Краль, имао е у својой войски нѣкоег Военачалника, именованем

Руспема. Овай бѣше весма способан, но на край сердца. Нѣга су войници десном Кралѣвом руком называли: ибо он Краля дуго служеѣи код войске своими дѣлы неограниченну важность придобые. Едан пущ увреди га Краль, то уврежденіе тако га заболи, да почне о шайной буні у войни радиши.

Козроес чуюѣи то нѣгово намѣреніе, почне сам са собом говориши: Ако овай без мере честолюбивый муж, кога войници, као Бога почипую, знамя буне прошив мене дигне, онда не знам, кога бы му другог прошив нѣга ополчио; но я ѣу се о том с мои Везиры разговориши. У Совѣшту сви се согласе, да Краль шога силног Издайника онай час у ланце мешнупи заповѣди. Козроес учинисе као да хоѣе нѣов послушати совѣшт, и заповѣди, да незадовольный Руспем онай час пред нѣга дойѣе: но вмѣсто окова, с новым благодѣянїями и с новым честїю богато обдари га. Моли га за опроштенѣ, похваливаюѣи нѣгове заслуге, и увѣраваюѣи га о своіой милости. То повѣреніе и великодушїе Кралѣво гордог Руспема тако умиле и у сердце ударе, да он не само оп свог намѣренїя опступи, него се іошше Кралю с шолїком вѣрностїю преда, с коликом никада предан быо нїе. Онда, рече Краль к своим Везиrom: Видите, я самь вашем совѣшту слѣдовао,

я самъ Руешема с найячїи узы спегао. За руке и ноге шребало е много ланаца и они су грозни и преварливи; а за сердце нуждан е само едан, и он е код велики людїй вѢчан.

Мїрсино видѢнїе.

Пешый дан новог месеца, кои самъ по обычаю мои прадѢда, као светый дан празновао, подраним, и опидем у баню. Када совершим юшреню мою молишву, попнемсе на Багдапске планине, да ту на усамлѢном нѢвовом верху, осталый дан у тихой молишви и светым размышленїяма проведем. Чистый воздух, коим самъ на высини овы планина дыхао, возвыси и укрѢпи душу мою; паднем у дубока размышленїя о маловременном челобѢческом живошу; прелазеѢи с едне мысли на другу, речем у себи: Што е челобѢк? заиспа ништа друго, него сѢнь, а живош нѢгов сан. То юшше мыслеѢи, бацым очи на камень близу предамном спосѢтїи, и на нѢму опазим младиѢа у паспырском одѢанїю, кои у руци свиралу держаше. Мелне ю на устне свое, и почне свирати. Глас свирале нѢгове баше тих и любак, и шако много различитог премѢненїя и согласїя, да самъ помыслїю: Оно пѢнїе све земне мелодїе своїом сладостїю и прїятностїю превосходи. Ош пре-

з'блног услажденія почне ми се сердце у мени топипи: ибо ми се учини, као да чуем оно небесно п'бнїе, коим се у раю дочекую душе праведника, и н'бова чувствїя к неисказанной радости, н'бовог новог блаженног жилища возвышаваю.

Я самъ много пупа чуо, да шай камень н'бкїй Ангел пос'бщава, и да су многїи шуд пролазећи глас н'бгове свирале чули; али самог п'бвца досад їоште да рипко жив нїе видїю. Сладость н'бговог гласа у мени желю раздражи, да с ним говорим. Я аки саняюћи погледим на н'бга и зажелим с ним быти. Он разуме, што я желим, мане руком на мене, а я се приближим, и станем пред н'бга с оным страхом и почипанїем, кое се принадлежи превышшым естеством.

Мое се сердце н'бговым милым гласом умекша; паднем пред н'бга и почнем плакати. Но он любким и прїяшельским лицем на мене се осмене; н'бгов благїй поглед узме ми онай час сву мою несм'блосць и боязливосць; пружи ми руку и подигне ме. Онда рече ми: Мірса! Я самъ твоей шайный разговор чуо; сл'бдуй ми.

Он ме узведе на найвышшїй горе верх, овде ме посади, говорећи: Обращи очи твое к востоку, и кажи ми све, што видишь. Видим, велим му я, н'бку долину, чрез кою н'бка велика

лика

лика рѣка тече. Долина, кою видишь, то е
 долина бѣдности, а она рѣка, то е рѣка вре-
 мена. За што се, запытам я, она рѣка по-
 чинѣ с едног края из нѣке дебеле и мрачне магле,
 а на другом краю нѣзин е излив нѣким тамным
 облаком покрывен. За то, отговори Ангел:
 ибо она, као нѣкѣй малый поток из мрачног
 мора вѣчности испиче, и у оно се опеш вра-
 та. Сунце нѣговым волнованію дае раздѣле-
 ніе и мѣру; и тако онай поток от едног края
 свѣта до другог доспиже. Сад посмотри до-
 бро на ту широку рѣку, коя е на оба края
 мраком покрывена, и кажи ми, што на нѣой
 видишь? Видим, отговорим я, нѣкѣй мост,
 кои преко среде ове рѣке иде. Тай е мост,
 рече ми он, животъ чловѣчскѣй; него посмотри
 га с вниманіем. Я добро погледам, и упазим,
 да е из 70 чипавы и нѣколько порушены, са
 свим из 100 столпова созидан. Кад самъ ове
 брою, вели ми Ангел: Тай е мост преѣе имао
 1000 столпова, ал силна вода нѣке е сасвим
 развалила, а друге порушила, како што ихѣ
 сад видишь. Кажи далѣ, што іоше видишь.
 Видим, речем я, да многѣи люди преко оног
 моста иду, и да над оба нѣгова края при
 облак виси, да многѣи прелазеѣи кроз нѣга у рѣку
 упадаю; на столповы бяху многа пошайна вра-
 таоца, на коя, како бы кои от путника нац-

шао, шаки бы доле пропао, и онай бы час изчезли. У почетку моста та враћаоца бяху една до други: за шо, како бы народ кроз облак продрео, и на нѣи бы наступіо, шаки бы до половине у рѣку пропао. Она враћаоца околѣ среде моста на рѣке стояху; ал на концу чипавы столпова баше и множештво, и на чешѣе, нежел с почетка моста.

Было и е, кои преко порушены столпова клечеѣи хотяху преѣѣи; ал дугим пушованѣм нѣова колѣна разслабѣна и преушруѣена не моглоше преко развалина прескочиши, него све едан за другим у рѣку падаху.

Чудесно строеніе моста, и многоразличіи пушницы мѣе вниманіе шако силно на себе привуку. да самѣ ихѣ непрестанно гледаши морао. Пуно ми е сердце жалости было, гледаюѣи, како се они ядни пушницы прелюбовараю; многіи у шали, у веселю и у игри пушюѣи внезапно пропадаху; на све сшране околѣ себе руке пружаху, искаюѣи спасенія. А нѣкіи хождаху с въздвигнутым к небу очима и дубоко замыслѣни; но и они у самим нѣовым размышленіяма посршаху, и исчезаваху испред мои очію. Многе опет видим, гди скачу за некаковым шареным оп воде бешикама, кое испред нѣовы очію летяху; и испом да ухвате ове воздушне образе, ал поклизнусе и пропадну. У том мяшежу и писканю упазим едне, а они са сабля-

сабляма и са мокраћним спаклама по мосту шам' овамо шерче, и друге, кои долазу, силом у најближа врапаоца пропасти нагоне.

Ангел види, да самъ се я овом жалостном зрилищу са свим предао: за що рече ми: Опврати очи швое оп овы, кои пропадаю, и кажи ми, видишь ли јоште штогодъ? Я погледам горе, и запытам: што значе ове пшице, кое чинавим яшом непрестанно около моста даше, и кадкад се на нѣга спусте? Видим яспреба, гаврана и други граблывы пшица. То су, рече Ангел, бриге и спраспи, кое муче человѣка у животу; на примѣр: Сребролюбіе, Зависпѣ, Суевѣрїе, Опчаяніе, Любовь и прочая.

Овде я из глубине прискорбног мог сердца узданем, и речем, ништа е воистинну человѣк! он е роѣн само да се мучи, и да умре. Ангел о мени соболѣзнуюѣи, заповѣди ми, оп шог жалостног зрилища мой поглед опврати. Обрати, рече он, очи швое на ону онамо дебелу маглу, у кою рѣка сав род человѣчскій, кои у ню пада, са собом опвлачи. Я погледам шамо, куд ми е заповѣдію, и опазим, гди се долина на едном краю разшири, и у неизмѣримо море простре. На сред нѣга стояше превысока гора, сва оп самог діаманша, и раздѣляше море на две еднаке части. Мрачный облак јоште на едной половини оне горе оп-

почи-

почиваше: за то и не могах на той страни
 ништа видети: а друга страна нѣзна чиня-
 шемисе као широкій океан пун неизброены
 острова с различны плодови и цвѣтем. Из-
 међу ныи печеху многе рѣке, и оне едан оп
 другог раздѣляху. Видим жителѣ у свѣтлом
 одѣянїю, и на глави сплешене оп цвѣта вѣнце.
 Едни се шећу испод зелены дрва, другїи сѣде
 при быстри извори, а нѣкии на цвѣтным оп-
 почиваю постеляма. Чуем смѣшенїе звука оп
 пѣнїя пшца; паданѣ вода; гласе чловѣческе,
 и различну мусїку. То ме шако услади, да
 зажелим крила орлова, да оным блаженным мѣ-
 спам оплешим. Ал Ангел рече ми, да нейма
 другог шамо прелаза, него кроз двери смерти;
 кое су се свакій час на мосту отворале. Ти
 острова пред тобом шако лепы и прїятны,
 коима е лице земно, докле годь оком догледаши
 можешь, покрывено, има више, него песка у
 пустыняма цѣле землѣ. За овима, кое шы ви-
 дишь, леже милїоны други острова: ибо ово
 море распросыресе много далѣ, него што
 швое око досягнути може. Ти су острови
 жилища праведника, у коя се ови по нѣовим
 заслугама отшилю. Што су сердца и мысли
 нѣове чистїе, с тим е нѣово жилище блажен-
 нїе. Ах Мїрса! Нису ли ова блажена поля швог
 найвећег шцанїя достойна? Заслужуел' онай
 живош,

живот, кои те ко полученію такове радости преправля, да га худишь и презирешь? іошпе ли се теби смерть, коя те у тако спокойне води светове, ужасна чини? Тко бы се могао за то печалиши, што су оне водене бешике, када е у рѣку пао, испред нѣга исчезле, када ова плѣн свой у преблажене предѣле стноси? Више да не чуем шуженѣ швое о том, да е челоуѣческій живот ништа и суета: ибо ово кратко пушованѣ, ком е тако славна вѣчностъ приуготовлѣна, чинисе у очима небесны Ангела, аки найлѣпше дѣло премудрости Божіе.

Дивеѣисе с неописанном сладостію оным блаженным островма, найпосле замолим Ангела, да ми покаже и оне тайне, кое су за оном облачном на другой спрани оне діамантске планине. Ал от нѣга отвѣта не добыем. Докле се я окренем, да га и другій пуп замолим, а нѣга испред мои очію неспане. Я се опеп обратим оном веселом зрилищу, да се гледаюѣи услаждавам; ал на мѣсто шуштеѣе рѣке, на мѣсто столпнога моста, и они блаженны острова, видим само дубоке около Багдада долине, по којма волови, овце, и камиле пасу.

Разумный Судія.

Нѣкій терговац у странне земаѣ пупъ пред-
 узме: за шо нѣкоем Дервишу, кога е за Пріа-
 шеля держао, кесу пуну Цехина вручи на ама-
 неш, шо есть на сохраненіе, молеѣи га, ове
 новце да причува, докле се он с пупа не враши.
 После године дана Терговац на праг дойѣ, и
 управ Дервишу, да иште свое новце; ал ова
 варалица на очиглед опрече, да нѣ ништа
 пріиміо. На ту се нѣгову невѣрность терго-
 вац весма разсерди, и оде Судіи, да Дервиша
 шужи. Ты си, отговори онай, више поштен,
 него паметан; какоси се могао тако слепо
 оном человѣку повѣрити, кога вѣрность ниси
 познао. То ѣе сад тяжело быти, ову лукаву
 варалицу приволети, да он своевольно Аманеш
 возврати, кой е без сведока пріиміо. Ал я
 ѣу видиши, хоѣул' те послужити моѣи: опиди
 му іоште едан пуп, и говори му пріашелски,
 да ти твое возврати, ал чувайсе, да не осе-
 ти, да я за шо знам, супра ми у овай саш
 опеш дойѣи.

Терговац опиде, и тако учини. Ал вмѣ-
 сто да свое новце добые, буде осрамоѣен.
 Докле су се они тако инашили, дойѣ от Ка-
 діе слуга, и зове Дервиша. Он оде. Кадіа га
 весма любезно пріими, отведе га у najlepшу

свою

свою собу, показываючи му найвеѣу честь, као едном ош первы людѣй того мѣста; почне се с ним о различныма стварма разговарати, ласкаючи му и хвалеѣи, гди бы годь могао, иѣгову честность, мудрость и ученность. Када са свим иѣгово придобые повѣреніе, онда почне овако говорити: Честный Дервиш! Я самъ те молю, да ми дойѣшь за шо, да ти мою повѣренность и высокопочитаніе покажем. Я сад морам због важны послова на путь ошпазити, и шу иѣколико месецый провести; не могу се на мое млаѣе ослонити, а рад бы мое сокровище у руке шаковог челоуѣка предати, о коему цѣлый град сведочи, да е поштен, а шаковым си ты: за шо, ако те смем молиши, и теби ово дѣло, због швои други послова, не бы на досаду было: я ѣу супра све мое драгоцѣнности ноѣу теби послати; но будуѣи да е шо шакова спварь, коя се у найвеѣой держати мора тайности: за шо ѣу ти оне по моем найвѣрнѣем слуги послати, и казати, да самъ ти ихѣ поклоню.

Сад да си видю Дервиша: лице му се веселым осмеяванѣм чисто облѣе: спо поклона учини благодарѣи за тако высоко повѣреніе: почне се клеши, као што е найболѣ знао, да ѣе повѣрено себи богатство, као очи у глави, чувати. Онда опросписе и оде, у себи тайно радуяѣисе, као да е веѣи и судю преварио.

Другій дан дойђе торговац и яви упорность Дервишеву. Опиди му јоште едан пуп, рече му Судія, и прети му, да ћешь га код мене шужиши, ако далѢ узоприче. Я мыслим, неће даши, да му се два пуп прети. Ал како ти мой Дервиш о Кадіи чуе, онай час кесу помоли, и враши, боећисе, да не изгуби повѢренность Судіину, и мыслиећи, да га не бы на другій начин превариши могао. Дервиш смеюћисе рекне: О мой любезный! те баш Кадіи? Та швои су новцы у моим рукама; они се не могу изгубиши. Я самь се Чоече, само шалою, да видим, како ћешь се шы показати, Ал шерговац паметан не пріими шо за шалу, нег оде Кадіи, и захвали му на нѢговой великодушной помоћи.

Међу шим и ноћь приспе; Дервиш се почне спремати, да пріими обећано богатство. Ова ноћь пройђе, а слуге с тайным поклоном ніе ни видиши. То се време Дервишу весма дуго учини; едва супрашній дочека дан, пак управ Кадіи говорећи: да е он само дошао, да чуе, за што Г. Кадія ніе свог слугу послао? За шо, отговори онай: ибо самь от нѢкоег шрговца чуо, да си шы невѢран и лажа; шо ти сад тако нек пройђе; ал ако јоште едан пуп шакова шужба због швог невалялог сердца на тебе дойђе, ондаће те сама правда по твоіой

твою заслуги казниши. Дервиш, кака учини покорный поклон до саме землѣ, бупом се опшуче.

Бібліоѳека Індійског Краля.

Дабшелім Індійскій Краљ, имао е тако велику Бібліоѳеку, да е сто брахмана шребало, кои бы ю у реду держали, и хіляду камила, кое бы ю пренели. Краљ не имаюћи волѣ, ню цѣлу прочитати, наложи брахманом, дабы они из онога множества книга, што е найболѣ и найполезніе, извадили, и нѣму предали. Ови учении люди радише у том дѣлу с шоліком ревностію, да су по испеченію двадесет година из совокуплѣнины извода кратко содержаніе цѣле мудрости собрали, кое у себи 2000 книга содержаше, и кое 30 камила лагко носити могаху. Када су оно Краљу предали, зачудесе, када чую, да он шовар опі 30 камила за великій налази. Они дакле шай умале шовар шако, да су га найпре 15, по шом 4, найпосле 2 камиле носити могле, а найпосле шоліко само ошане, да е една мазга среднѣ величине ласно могла носити. Несрећом Дабшелім, докле су нѣгову Бібліоѳеку тако сокращивали, ошпари, и он већ опчае, да ће іоште шоліко живити, да чита свою Бібліоѳеку у кратком

и совершенном изводу. У овой замршеной ствари запыта мудрога Пилпаю, свог Везира за совѣт; овай му опговори: Великій Кралю, хотя да е мени Бібліотека Вашег Величества весма мало познапа; ал я се опет усућуем весма крашак и прилично полезан извод из нѣ начиниши. Ты ћешь га моћи брзо прочитати, и у нѣму ћешь толико найћи, да ћешь за сав швой живот имаши о чем размышлявати. Онда узме Фініково древо, и напише са златным пером слѣдующа чешыри правила:

1. Найвећа часть Наука само ову одну содержаваяу речь: *Могуће е: а цѣла Історія состоисе у три речи: родіосе, терліо е и умрео.*

2. Люби правду, и чини шпо любишь: мысли истину, и не кажи све, шпо мыслишь; тако ћешь быти добар и разуман.

3. О Крали! побѣдите ваше желѣ, и владайте сами сособом; онда ће вам само една игра быти са светом царствовати.

4. Вы Крали! и вы Народи! вам се не може доста казаши, и мудрствуюће будале іошше непрестанно о шом двоуме: да не има среће без добродѣтели, не има добродѣтели без Божіег страха.

Четыри златне Кугле.

Сарбас Персійскій Краль, у великой сали свое палате, седеѣи на великолѣпном престолу суд держати обыче. Другим искусством толику е у суденю готовость приобрѣо, да е таки, како бы обе стране преслушао, суд изреѣи могао. Та нѣгова хитрость сваком на удивленіе баше. Случисе, да два человѣка пред нѣгов престол дойѣу, и нѣку особиту и сумнителну стварь предложе. Едан спарац, сув у лицу, и блед као смерть, водимъ нѣким младѣем, кой тако леп баше, како ружица, када се хоѣе да развѣе. Спарац падшій на землю при пуп се нѣ челом додирне, и почне говорити: Кралю Кралѣва, и Намѣстниче Божій, я се сад ногам твог престола приближавам, молеѣисе, да ми суд учинишь. Я самъ имао само едног сына: Он е сва радость мое жизни быо; сердце е мое нѣга као зѣницу ока любило. Я самъ быо богат и среѣан; и мой е сын берзо растіо; к када спути у осму году, онда ми се случи због мое терговине на далекій пущь опиѣи. Я не могох сердцу мом одолѣши, да ово мило не поведем дѣте, ксе чрезвычайно нагло шѣлом и духом растяше. Моя ме превелика любовь заслепи, и узмем га са мною, забывавши незгоде и бѣдствія да-

леки путова. О! проклетъ онай час, када самъ на то помыслю. Праведно бы сад было, да дуго страдаюћи то платим. Я и мое друштво у нѣкой пустыни паднемо у руке разбойника, ту будем смертно ранѣн, и принужден моим очима гледаши, гди они мога единца от мене отргоше, и опведоше. О какво е сердце мое было, када самъ за ним выкао, а но свое ручице ридаяћи к мени пружаше. Ал каменита сердца нѣова смиловаписе но хошѣша, но отидоше, а мене у крайной жалости и отчаянїю оставише: полумертва отнесу ме; ал нека ми се живот продужи, да задуго лудость мою оплакивати могу.

Када се вратим у мое отечество, пошлѣм на све стране света, не бы ли се могло за мога единца распытати, ал моим несрећом ни гди се не могаше найћи. Ево већ 20 година, како за ним шужим, а гласа ни откуд никакова. Мое се богатство преко мере умножаваше; остарим и поболемсе: ибо ми се сок у мени от непрестанне шуге осуши. Свакій дан бывах слабїи, и не имаюћи никога за наслѣдника, већу часть моего богатства теби завѣщам, а остало моим сродником и слугама. То мое писменно завѣщанїе (тестамент) оставим код Кацы. Мећу тим, докле се с великом желбом на мою смерть чекало, появисе овай

мла-

младић, кои овде пред твоим лицем стои, и каже ми, да е он мой сын. Све, што е годъ казывао, видиломисе истина, он бы ка свашто, што бы га годъ запытао, точно и право отговорю; мое сердце от велике к нѣму любви чисто у мени ускипи; я га за мог изгублѣног признам сына: радость о нѣговом возвращенію учни, да оздравим; я таки одем ко Кацы, да иштем мое завѣщаніе, и добыем отговор, да овай страный младић нѣ мой сын, него да е лажа и варалица, не имаюћи никаковог другог узрока, него што нѣ дойкиня на нѣму нѣке белеге хотѣла найћи, кое е он у депинству, како кажу, имао. Дошао самъ дакле пред твой престол, кога сунце правде и мудрости обасява, молећи те, да ми ты твоим всевидѣщим оком истину изнайѣешь.

То изрекши спарац почне плакати. Сви, кои су ту собрани были, том повѣстію умиленіи остану, не сумняюћисе, да онай младић нѣ старчев сын; за кога е и сам нѣгов поглед врло добро говорю. Свакій е сад с великом жельом чекао, какоће Краль ту стварь прекинути. Ал он преко свог обычая молчаше, и као замыслѣн видяшесе. То е свим на удивленіе было. Ал Краль будући скуп, немилостиво на младића погледа, знаюћи, да е он за то дошао, да му оно богато наслѣдіе отме,

Навучемусе чисто, као нѣка лютость на чело,
и бацы на младића очи полусердите. Овай с
нѣком паметном слободом пред ним стояше.
Найпосле Краль молчаніе пресѣче, и почне го-
ворити: Кацы е по својой дужности чинію.
Само дойкинино изреченіе у овой ствари за
право свидѣтелство пріимитисе може; а ты
ако неймашь, окренесе младићу, други доказа-
телства, него само твое едно увѣреніе, то
ты не можешь за сына и наслѣдника овог бо-
гатога и старог шерговаца пріимлен быти.
Него, имашь ли се с чим опрвдати? говори.

На то младић неустрашимо отговори:
Господине! Судба е моя тако хотѣла, да я
неймам никаковог виѣшнѣг средства, за мое
рожденіе судейски доказати. Я никаковог дру-
гог сведока не имам, кромѣ мога памяствованія;
оно е вѣрно сачувало перва дѣйствія
моега дѣтинства. Многие и друге сипнице, кое
само мени и мом отцу познаше быти могу,
потврѣую мое увѣреніе, ал закони ми не до-
пускаю, у мојой ствари сведочити. Ништа
манѣ, я знам другій начин, истину изнайти;
я самь много путовао, много дивны стварій
искусію, ако самь и млад. Найдивніи видіомисе
нѣкій волшебник, кои е, тако да рекнем, все-
знающ; он у нѣкой планини на Индійской гра-
ници пребыва. У нѣга су чешыри злапие Ку-

гле,

где, кое он чинма оживлява, и на све стране
 света шилѣ. Оне брзо све краеве землѣ у
 иѣколько мінута облете, и оп свачега, што
 виде и чую, вѣсть му донесу. Ништа се оп
 ни сакрыти не може; оне кроз свака врата,
 ако ѣе не знам како заключана быти, невидимо
 пройѣу; по самом дну морском рыю; лете у
 самый месяц и сунце; кроз средину землѣ про-
 лазе, и кроз дебеле зидове палапа, као шанак
 воздух пробію. Една такова Кугла више оп-
 крые, него хіляду упвара (шпіона). Онай дакле
 Краль, кои бы одну или две такове кугле имао,
 могао бы сердца свои служителя и найманѣ
 мысли испытати. Када бы и у свой харем
 послао, свако бы и найманѣ воздыханіе свои
 Госпоа дознао. А тако исто, када бы и у
 совѣш сосѣдног царства послао, све бы у
 едан час тайне совѣте свои непріятеля сазнао:
 и тако бы им могао предупредити, и иѣго-
 вом бы се правленію свак живой чудію. И я
 самъ чрез ни за мога опца разабрао, да е он
 іоште жив, да непрестанно за мною тужи,
 да опдавно болуе, и да я, не другоячѣе, него
 лешити морам, акога желим іоште едан пуп
 преѣе смерти видити. Ты дакле мудрый и
 праведный Божій Намѣстниче, пошли ко оном
 волшебнику какового вѣрног чловѣка, ондаѣе
 се видити истина, была она у сред землѣ
 закопана.

Ни по што, рече Персїйскій Краль, нишко другїй, сам ћу я тога великог волшебника походиши, а ты ме морашь прапити. Таки сутра зором полазим; сав дркћем опт нестерпїнїя, да видим те кугле, и чуем твою Історїю. А ты спрыче претрписе до мога возвращенїя. Говори ли овай момчић истину, то ће Вам моя милость покров быши.

Испом што с зора свое руменило на горама показала, а Краль Сарбас с нѣколико свои слугу путоваши спане. Када бы ноћь или полдне дошло, онда бы мало оппочинуо: тако бы берзо путовао, да се чинило, као да брда и долине пред нїовым ногама пролазе, као да бы крылати были. Мірага (име оног момчића) на коню покрай Краля ходяше, с коим памешно разговараюћисе, и казываюћи му чудне обычае други Народа, за кое Краль до сад ни чуо нїе, учиниму време, кое и тако брзо печаше, јоште краће. Свака бы се речь нѣгова Краљу допала, за то га овай тако возлюби, да у себи Мірагову парницу добро прекине. И они бы се јоште прва два дана врапили были, да нїе Краль тамо више због оны куглы, него због дойкинѣ пошао быо. Горе, шуме и воде чисто лешаху и нїе прошло месец дана, а оны су већ были на оной гори, гди е волшебник живїо.

Краль

Краль е мыслію, да ће ту само некакову голу стѣну найћи: ал како се удиви, када види, да е она планина свуд наоколо с виноградама, и с најлепшим воћем насађена; рекао бы шко, да е ню Нарав с благоволеніем највештїег художника ту поставила: тако е лепо и правилно створена была. Сасвим округла; у околицу до сат хода имала е около нѣ долине најпрїятнїе, а она сама све по мало до умѣренне возвышавашесе высине, с кое 4 потока шумяща долу печеху, и на све четири стране свѣта разливахуся. На нѣзином равном верху стояше дом више палати, него мајору подобан, из кое се могло от свою страна далеко, будући низким бердама обколѣна, на села, у долини лежача, гледати. Ароматическїй воздух, као шихти таласи, уливашесе у перси упрућены пунника, и укрѣпляваше и, као новым живошом.

Сунце е већ село было, и лад долину покрыо; ал сва планина видиласе, као да у самой ватри плива. До самог нѣзиног верха виделисусе знацы трудолюбїа и доброга поредка. Куд бы годь Краль погледао, свуд бы видїо, да люди, жене, и деца прилѣжно раде. Сви у грумку нѣке прекрасне пѣваху пѣсне, и чиняхусе, када е Краль, пун удивленїа међу ни дошао, као да га и не виде, шако су срећни и без-

безбрижни были. Онда он уздышући рече: О! сад я видим, што оне чешыри кугле учинити могу. Мое землѣ, кроз кое самъ прошао, виделесумисе, као да су оставлѣне и запуштене, сви жители жалостни и пужни; а ова плазина стои на граници мога царства, као едан рай.

У том се приближу волшебниковом дому; овај нїе быо великолѣпан, али га е было весело погледати с поля и изнушра: у нѣму могаоси видити образ штедливе изобилности и мудрог строенїя. Мірага, ком е све добро познашо было, ишао е напред, а Краль полу санлюћи за ним са своима. Ућу унушра, ал нишко пред ни не изыће, ниши шко што запыта. Ту се Краль стане дивити, кад ал соба се отвори, и на сред нѣ види человѣка сѣдяща; около нѣга б мужке и толико женске дѣчице у колу стояху. Чинилосе, као да и он учаше, а дѣчица у нѣга с великим вниманїем и любовїю гледаху. То е быо онај волшебник; преко нѣговы рамена дугачка бела коса простырашесе, и бело одѣянїе с ниже прсію поясом ружичине фарбе препоясано висяше до самы ногу. Тако исто и дечица обучена бяху.

Кралю се учини, као да пред ним месец вѣнцем звѣзда окружен стои: ибо шаково што никада пред нѣгове очи нїе изышло, Мірага ступи унушра, а Краль за ним, како и волшебник

шебник смотри, таки устане, а дечица као танки юпрени облацы с неба, исчезну.

Онда Краль као са усилованым почитаніем рече: Господине! я самъ торговацъ из Персіе, за швое самъ велико име чуо; за то самъ дошао, а швое чудесне кугле видиши, кое ши из сва чешыри края света гласове доносе. Ако те мое любопытство не бы увредило, то буди милостив, и мою велику испуни желю. Хоѹу драговољно, отговори волшебник. Онеѹе сад из Персіе, швог отечества дойѹи, чушиѹешь, кажу л' истину. То изрекши, дигне руку десну горе, и онай час падне доле са свода собнога словов шшап; он га у руке дочека, удари с ним по земли, и ова се шаки отвори. Онда изыѹе аспал от мрамора ебановым дрвешом покрывен, а када покрывало спадне, покажесе иѹка округла сребренна шуплина, коя на краю чешыри рупе к чешыри странам света имаѹаше. Волшебник опет рече Кралю: Я ши само имам одну погоду предложити. Ове кугле свою Божественну обчинителну силу изгубе, ако с шаковым человѹком говоре, кога буди найманя страсть узнемирава. Буди дакле господар от себе: ибо ѹе оне, може быти, шаково шшо казати, шшо бы те ил' обрадовало, ил' ожалостило; буди при себи; перво устремленіе духа швога може те лишити радости и ползе ніюве вѹсти чути.

Краль любопытством и ожиданіем одушевлен с радостію обеѣа, даѣе ту лагку погоду испуниши. Онда волшебник удари по нѣкой малой цумбули; ова црвеной змѣи, коя у серебрянном сосуду на репу стояше, о двоструком езыку высяше. Када Цумбула затруби, онда се чуе у рупи к западу нѣко тихо шуштенѣ, кое свакій час яче бываше, и подобно шушшеню какове велике рѣке. Краль едва дыхати можаше, а нѣгове слуге дрктаху. Када шуштенѣ престане, онда се четыре златне кугле изкопдряю. Оне се около змѣе нѣколько крапы едно за другим, као выором носиме, окрену, и спану пред волшебника и Краля. Перва се отвори, и затруби као любка музѣка, коіом художник сердца подиже, ове речи:

Я летях вроз землю Хорасан, гди Цаласпа, прѣятель іоште от дѣтинства Краля Персѣйскога обитава. Краль много година с нѣм любовно живеѣи, познао е не само нѣгову вѣрность, него и честность. Ал Сарбас от ласкашеля мало помало опрован, отвратисе от свога прѣятеля. Стане се от нѣга уклоняши, и дружити с людма поводливым. То Целасповы злотвори едва усмотре, и почну га безчестно оклевешавати. Краль не чекаюѣи, да се он оправда; от ма га осуди, и из двора опера. Цаласпа вратисе у свое рожденія мѣсто, жа-
леѣи

лећи Кралѣво заслепѣніе. Овде он живи мирно и спокойно, чинећи добро без броя. Народ га почиуе као свога ошца. Он половину свои прихода раздае на сироте; цѣли предѣли спое нѣговою руком ураћени и украшени; нѣгово се име ош жипеля тако слави, као име Божіе: он е совершенно срећан и не има шужны часа: онда е само печален, када помысли, да Краль Сарбас нейма више пріятеля.

Онда се кугла затвори и умолчи, а нѣзин глас Кралю Персійском као боляща стрѣла кроз сердце пролети; вапра му лице обузме и шежо уздышући говорити хотяше, ал' му се езык укочи. За тим таки друга опворисе кугла, шапшаюћи као мила птичица, када за свои младићи шужи, и почне ово говорити:

Летећи кроз предѣл Фарсістан, видим на страни нѣку тврдыню, и шамо таки оплешим: шу шрештећи над вертоградма опазим под сѣницом (лишницом) перву Краля Персійскога супругу, кою е он ош себе, као што е и свога пріятеля, отерао, а нѣзину круну своей милостници поклоніо. Она и сад тако лепа, као што е была, када е первый пуп на престол покрай Краля села. Нѣна кћи, иста мами, лежећи нѣой на крылу, играшесе с нѣном разсупом косом, и смеюћисе ню мешаше, а она жалостна и шужна сѣдлаше. Я се спустих

долс,

доле, и чуем, гди дете говори: Не плачи, майко моя. Твое су очи от плача већ поцрвениле. Я те любим; не плачи више, и послушай пѣванѣ пшичица; оне се непрестанно веселе, и шале у гранама на дрвећу; яћу быши твоей славу, и пѣваћу ти, само не мой плакаши. О кѣри моя! отговори матери, имам я пшичу у мом сердцу, коя ми непрестанну пѣва тугу, она е свога изгубила драгог, за коим сад тужи. Пусти ю неск излеши, ту пшичу туге и печали, нѣойће быши болѣ у свободи. Пшиче мрзе на зашвор, и живе по свем свѣту у пріятным лѣсови. О мое дете! она е зазидана у својой тамници, као што смо и мы; она е у пустыни зароблѣна; нѣзино ядикованѣ разносисе по пустыни, гди га нишко не чуе.

Кугла се зашвори и нѣзино туженѣ престане. Ал' Краль Персійскій јоште на нѣой держаше очи; топле сузе низ нѣгово лице теклаху, и он се чиняше, да јоште непрестанно ону жалостну пѣсню слушаше, кад, ал' и прећа се кугла отвори, коя шаптаюћи као вѣтар на верху древеса, ил' као маліи таласи на брегову, почне овако говорити:

Пратећи пушуюћег Краля Сарбаса пазила самъ на нѣгова дѣйствія. Нѣгов любимец, роб Гонго, ласкаюћи нѣговой слабости, называше га всезнаюћим Кралѣм, сунцем от Азіе,

и круном юнака, а Краль нѢгово лукавство
 ніе ни примѢшію, Што бы годь Краль гово-
 рію, шо бы овай све хвалію, смеюѢнсе у себи
 нѢговой прости. Он бы непрестанно го-
 ворію о своіой вѢрности, и вребао бы при-
 лику, да превари Краля. Юче му згода дойѢе.
 Краль от берзог пушованя упруѢен, у свом
 шатору врло яко заспи. Онда Гонго, када га
 е своим ласканіем успавао, сними му с руке дра-
 гоцѢнный Діамант (Дар зароблѢне Кралице)
 и зашіе у шатор. О ты злочинче, рече разя-
 ренный Краль Персійскій, и повуче саблю, да
 Гонги, кои е сав стрепію, на двое главу раз-
 цепи. Ал за тим се таки чу спрашан звук,
 земля се занѢя, мраморный се астал опет с
 црным покрыве, и на едан пуп исчезне.

Краль, када се из свог заблужденія пробуди,
 види, да е сам с волшебником; ни едног слуге
 ту ніе было, соба свуд' наоколо претворисе.
 Онда рече волшебник: „Кралю Персійскій!
 ты си погоду нарушію: за шо е чародѢяніе
 злапны кугла за тебе данась умолкло. Гор-
 дость, зависть, скупость и гнѢв кваре нѢво
 лепо согласіе. Кога дакле една от овы 4 по-
 гибелны стварій зароби, оном се нѢво умилно
 пѢніе као найсилніе волнованіе морски таласа
 покаже.“ Опрости ми, отговори Краль: „Я
 сам себе више не осеѢам, али мудрый мужу,
 учини

учини ми, што Ћу те молиши. Я видим, да
 су тебе Богови, давши ти ове вездѣ суще
 кугле сприобщником нѣовы всезнанія учинили.
 Я самъ Краль великог царства; да бы могао
 овим добро управляти, нужно ми е знаши,
 што у нѣму быва: Молим те, дай ми поне
 одну от ти чудесны кугла, и научи ме нѣо-
 вым чинма; ево половину мог богатства даем
 за шай дар, кои, како видим, све челоуѣческо
 вѣжество далеко превосходи. Волшебник рече
 Кралю Персиди: Седи овде на ову Софу, и
 послушай ме: Твое намѣреніе, у коем си к
 мени дошао, естъ царско, оно показуе, да ты
 твоей народ добро управляти желишь. Но о
 Кралю, само от шог, што ишпешь, поло-
 вину испуниши могу. Ове 4 кугле, кое я
 имам, нѣкій благодѣтельный дух мени е покло-
 нію. Он е нѣи мени на нѣко време посудію,
 кое же он сам опредѣляти; а дао ми е за то:
 да и себи, и моим ближним добро чиниши
 могу. Нѣове вѣсти, кое ми доносу, могу
 другим спріобщити, али ни поклонити, ни
 продаши, ни по што не могу, дух ми е то
 забранію. Я самъ Князь над малым народом;
 на овог добро стараюсамсе оне кугле употре-
 бити. Милостивый дух, чинимисе, да е с
 моим поступком задоволян, будући, да оне и
 данашній дан у истом совершенству и сили

код мене перебуваю; я се с нима не служим за мою, него за мог народа ползу, да нѣга обогатим, а не мене. Я не собирам богатство, него све раздаем, што годь добыем. Я оне кугле не пышам никада из неполезног или вредливог любопытства, него само за то, да мени и другим могу совѣтъ даши, и помоћи. Словом, Кралю! я и ползуем, као што треба ползовати Божій дар, чинећи добро, и то е начиня Бога достоян.

Истина, Кралю Персійскій! я твою желю испуниши не могу; али надамсе, да твоя путь к мени неће быти безплодан. Я ћу те художеству силе обчинипелне научипи, и казаћу, како ћешь поступати с твоима, кое ти е Бог дао. Милостивый Ангел хранишель земный дао ти е прекрасне подобне дарове, кое ако и не чине она благодѣтелна чудеса, као мое кугле, то си ты тому доста крив быо. Перва и найпоглавитія дужность Владѣтеля состоисе у том, да види и да чует; он треба да буде око и ухо цѣлог свог Народа: вѣспи, кое му оне кугле доносе, не валя, да употреби на свою суешу, или на похоть, и скупость; него да ихъ смапра, као на Вѣспнике, кои му являю, гди, и како бы се каков недоспатох нѣговог царства уклониши могао. Ако се шако с нима служи, онда нѣга истина увре-
диши

диши неће, кою от пріятеля чуе. Неће никаковъ суд и правду неправедно судиши, да тим свое сокровище обогати; него ће он као благодѣшело сунце свуд по свом царству гледати, нѣговоће ухо, као воздух, свакій глас похуленія, похвале, шужбе и прошенія пріимити, нишиће се дух нѣгов от олуе (выхора) шамо овамо колебаши моћи.

То су, Персійскій Кралю, чини, коима я мое кугле оживлявам. Я самъ теби нѣи сприобшю: ибо видим, да си ты шаковый муж, кои ћешь и знаши употребити. Я самъ тебе от младости швое любію, и на свакій швой коракляй нѣжним попеченіем пазію. Мени е жао было слушаюћи, да су злостници швое чувство отпровали, и кое какове лажне желѣ у швом сердцу подражили. Я самъ се, као дете радовао, да е мой пипомац Мірага прилику дао, мою желю испунити, тебе овде код мене видиши; шай е младић круна сваке добродѣтели, у нѣму е све собрано, што годъ е честно, благородно и мудро; не знашь, кое е от ког прешажніе. Што си га тако брзо возлюбію, есть знак царског духа. Я самъ га от 9 година купію, и спараосамсе, ум нѣгов порано оным наукама украсити, кое су человѣку нуждне. Он се болѣ показао, него што самъ се я надао; а што самъ се шрудію за нѣгово

изображеніе , томи е богато наплашїо. Прїими
га , знай , да ће ти быти другїй твоей прїя-
тель Заласпа. А што се шиче нѢгова рожде-
нїя, он е сын оног старог шерговца, а швою е
обычну мудрость неправедна желя помрачила ;
иначе бы ты без многог испраживаня видїо ,
да су дойкиню несыти сродницы подмышили,
и да е нѢзино изреченїе право измышленїе. При
том говору Кралю се много пуп сердце тако
силно запресло , да нїе ни дыхати могао , но
нѢгову люпость укропи нѢка неописана све-
пыня, коя на лицу волшебникову оппочиваше.

Послѣдне волшебникове речи быле су тако
благе , да су КралѢво увреѣено чувство шихо
успавале. Када е хотео опговорити , онда се
подигне глас заедно оп харфе и свирала, као
мало нѢко шаптанѢ , и Краль на свой говор за-
борави : чиняшесе , као да оп свою страна
музїка долази , подобна игри невидимы духова.
Мало по мало глас музїке яснїи бываше , коя
сладостїю своом сердце КралѢво улови. Из
нѢговы очїю радость као варнице происходила,
и чиняшесе , као да хоѣе волшебника да пыта,
што значи ша музїка. То су моя деца , опго-
вори он, кою самъ я, када си ты к мени дошао ,
учїо. Они желе доброг Персїйског Краля у
дому опца нѢгова дочекати , и поздравити.
Краль дигне очи горе , дувара стане пред ним,

као магле, несшаяти; и ново превесело представимусе позорище. Шестъ мужске и шoliko женске дечице дойћу, тако лепо обучена, као и преће, на глави им вѣнецъ отъ любичице и ружице, они пѣваху Кралю пѣснь чести. Све трое и трое идући, у рукама драгоцѣнне дарове носе и великолѣпно корачаюћи приближавашусе Кралю, предъ коимъ неосетно сліюсе као у пол месеца, поклонусе и пѣниѣ престане. Двое мужски и двое женски с дарови изыћу, и поздраве Краля с лицемъ пунымъ милошће. Перво почне говорити: Благословенъ буди Кралю Персійскій! я ти носимъ діадему, ко украшенію твоему унука; а девойчица рече: Я ти поклонямъ златанъ ланацъ, с коимъ бѣшь сердца твоего Народа за твое привезати, а друго дѣте говори: Я ти даемъ мечъ за знакъ твоей правде; друга девойчица: Я ти поклонямъ отъ діаманта круну: што е награжденіе добраго Краля; прочіи рекше: Мы бѣмо твое стопе с цвѣтемъ посути, желећи ти миръ и срећу.

Тако се оконча овај дан, који е најчудеснии быо у земли Краля Сарбаса. Он се врати кући, као наново рођен: најпре и најпре помысли на свою оперзну супругу Кралицу Маранте, и на нѣну кѣрь Солиму. Лепећи на крылу раскаяніа и любве къ нимъ, свеже и на свое сердце, као залогъ свое среће и нѣжности.

Посѣ.

Посѣли ѿ свог старог прїятеля. Но Цаласпа задоволян своим шиким и незавидным блаженством, моли Краля, да бы га у нѣговой спокойной самоѣи оставїо, а Мірага, добрый Мірага, своима добродѣшелма учини, да шугом потревено и увенуто здравлѣ нѣговог родителя наново почне цвѣтати, и тако му наплаши све, што е до сад претрїю. Краль нѣга учини великим Везиром, давши му свою едину дѣерь Солиму за супругу, коя е была сунце кралѣвски дѣерїй. Будуѣи, да е Мірага не само мудрїи и добродѣшелнїи быо оп свїю поглавара Сарбасова Кралѣвства, него што више овай оному благодарити има на оной благословенной нѣгова царства премѣни. Оп того времена Сарбас постане больим, спараюѣисе, свой Народ по наспавленїю всезнающег волшебника управляти. И хопя, да нѣму волшебник тайне чины нїе дао, опет е Персїа под нѣговым и нѣговы наслѣдника владѣнїем златна имала времена: Ибо Сарбас не имаюѣи сына, Мірага единомушно избран буде за нѣговог наслѣдника, кои е оп свое младости мудростїю онога волшебника воспишан быо: све Персїйске Исторїе то о нѣму сведоче. Никада у Персїи нїе было нѣму подобнога Краля.

Д Ы Н Я.

Султан Масуд, по обычаю восточны Кралѣва, изиѣе с едном частію свога воинства на лов, сам там' овамо шумараюѣи, наиѣе на нѣкоега земледѣлца, кои под дрвешом седеѣи косу с главе жалоспно тужеѣи чупаше. Краль к нѣму приступивши запыта га, за што тако плаче? Я самъ, отговори онай, Господине, само одну едину дыню имао, она е была све мое богатство; ню самъ мысліо по скупо продаши, и с новцы за ню добыеним с моіом децом живити, ето сад опе ми ню едан от Султановы офіцера. Буди у спертѣнію, отговори Краль, ты морашь твою стварь добыти. Таки заповѣди, да дойѣе едан от служителя, ком рече: Данась верло желим дынѣ ести, ако можешь кою гди найѣи, тражи, я бы за ню много платіо. Слуга кроз све шаторе войске шерчаше, и среѣом найѣе человѣка с дыньом. Ты си данась верло среѣан, рекне слуга, ако узхопешь шай плод Кралю продаши: данась изненада захтемусе дынѣ: у цѣлом лагеру не може се добыти. Ты се межешь занста великом дару надаши. Офіцыр с дыньом, кою е опео, прчи без душе Кралю, и предл му: Ланац на враг овому, рече Краль, онда се окрене земледѣлцу: Води овог; он е от данась швой роб, продай га, или чини с ним, што хоѣешь.

Простак благодарѣи Султану отвѣде пу-
 сѣи на ланцу са собом; а када се поопдале
 испред очю Султановы, стане офіцыр са своим
 новым Господаром за свою слободу погаѣашисе,
 даюѣи му 500 цехиня. Онай сирома, заслеплѣи
 толиком томилем новаца, едва дочека, и много
 не запезаюѣисе буде задоволян с том цѣном,
 коя му се весма велика чиняше, не надаюѣисе, да
 бы он икада за свою дыню толике новце добыю.
 Ослободи дакле Оффіцыра, пак с новцы брже
 болѣ Кралю, пун радости, да му яви учинѣну
 продаю. Султан му отговори: Ты си врло
 с малом цѣном быо задоволян: по законма мо-
 рао бы си све нѣгово имѣніе добыти: ибо е
 и он теби све, што си имао, отео.

Оправданный Везир.

Мехмет Краль из Хузиспана предасе тѣ-
 лесным похотем и воли ласкателя и шкопаца.
 Време бы он найрадѣе проводю у Харему меѣу
 своим женама, предуѣи и плешеѣи свакояке
 ствари; а правленіе царства ослоню бы на
 свог Везира. Овай среѣном бѣше са свим дру-
 гоячѣи, него нѣгов Господин, правдолюбив и
 радин усердно прилѣжаваше о добру царства.
 Достоинства и службе пораздавао бы само спо-
 собным и честног живота гражданома; а ако
 бы

бы шко кому неправду учинію и доказалосе, шога бы онай час, не смашраюћи на нѢгово господство, казнію.

Тай Везиров поступок не допаднесе Дворяном и Госпоѣама у Сераилу: и за то га стану код Краля оклеветавати; овай слаб будући, приклони ухо злости и зависти, и доброго и вредног свог совѣтника из двора изгна.

Исперанный Везир знаюћи, да ће се на нѢгово оправданіе и обрану мало гледати, с тишином духа пріими свое изгнаніе, и Кралю овако пише: да се он свагда и непрестанно старао, испунити свое дужности: сад за свою заслугу и труд никаково друго награжденіе не тражи, него моли, да бы му Краль, нѢгов Господин, едно парче неоране землѢ поклонію, кое бы он радію, да бы опшуд нужное препитаніе имати могао. Мехмет видећи, да е то мало што, ніе му могао отрећи, да не да особити мужу а найдобродѣтелиіему, што е свакій признавао. Он дакле заповѣди, да се у нѢговом царству едан комад землѢ не ураѣене найће; но не могаше се найћи. Сви предѣли бяху ураѣени и плодоносни: шерговина и земледѣліе по свем царству еднако е успѣвала; тако се трудолюбивыи жители обогащаваху; нигди ниси могао видити пусшы места, бѣде и убожества.

Краль

Краль, када е о том добыю извѣстіе, но от шаковы людій, кои не разумѣваху, да шаково благостольніе царства служи на оправданіе изгнаног Везира, заповѣди овом явити, да му хоће комад ураћене землѣ поклонити, и по найболу да избере. Но Везир отговори: Я за мою заслугу другу плату не ищем, него весело признаніе совѣсти мое, да самъ вѣрно служю. Я самъ Кралу само показати хошео, у каковом самъ состоянію нѣгово царство оставіо: ондаће быти сва моя желя испунѣна, ако мой наслѣдник тако добро узчини, као и я.

С шим отговором Кралу се очи отворе, и намѣри того мудрог Везира опет у перво достоинство возвращити, и своим Госпођама наложити, да се оне за нѣгово увеселеніе брину, а Везиру предати владѣніе царства. Тако е, како сказую, точно и учиніо.

Две Зміе.

Султан из Карацана преда мудрому Сахаби свога сына на воспитаніе, налагаюћи му, да младом Царевичу свакій дан по одну Историю преповеди, но сходну ко изображенію разума и сердца младог Фіршта. Мудрый Сахаб тако учини. Скаже му едан пуш слѣдующу Историю, коя, истина, да се видила, да ніе вѣроятна,

на, ал' е узета из лѣтописа Персїйски
Кралѣва:

Нѣкій волшебник дойѣе Кралю Цохаку, и пред очима цѣлога двора различна покаже чудеса, тако: да се Краль весма дивити морао. Ово му волшебник стане говорити: Кралю Кралѣва, по су само обычне игре мог художества, кое едва заслужую швое вниманіе. Но ако ми допустишь, два пущ у швое своє ухо дунуши, видію бы, што е чудесніе от свою чудеса. Допустимусе, што е искао, и дуне Кралю у ухо. Цохаку стане се мозак врпшти, и чудесно нѣко движеніе у себи осепи. Више е по было яко, него што га е болело, и престане со шим, да на нѣговым прсима около сердца две змїине главе провире. Ты пакостниче и зло найвеѣе, што си учиніо? За што швоим нечистым дыханіем ове две нагрде произведе на мени, да ми мое сердце и жигерицу раздиру? Волшебник ошговори: не бойсе великій Кралю; ты ѣешь мени іоште захвалиши, докле познашь цѣну мога дара. Ове две змїе увѣраваю тебе, даѣешь ты среѣно живиши, и похвално владати. Само по е нужно, да се нѣова глад ушопи с таковым елама, коя оне найрадїе ждери. А по можешь учинити, ако кадкад по елног или по више от швои подданника, кое можешь из простог Народа узети,

узети, изберешь, и заколѣшь, пак с нѣовым
 месом и кровію ова свѣта животна швога
 шѣла наранишь. Само се найвише чувай, да
 не бы те будаласто соболѣзнованіе умягшало
 и устрашило. Ты морашь мыслиши, да е оно
 све право, што се теби допада, и да онай нѣ
 достоян кралѣвине, кои се бои, када е нужда
 и потреба, человѣку икаково зло учиниши.
 Цохаку с почешка таковый волшебника совѣш
 ужасан е быо; али видеѣи, да се у шом нѣ-
 гов живот и среѣа сосшои, владаосе по нѣму
 нимало не запезаюѣисе. И по малу времену ра-
 доваосе, што е по нѣму живіо: ибо глад она
 два чудовища на нѣговым прсима постпала е и
 сама нѣгова; и када су се она насыпила, онда
 се и у нѣму сладостраспна желя подражила, коя
 му е шако пріятна была, да он више нѣ маріо
 за жалостный глас, и убійства шоліко много
 несреѣны Персеіана; него и е сматрао, као нѣко
 худо спадо, кое е само за шо на свѣту, да му
 служи ко насыщенію нѣговы гадны похота. А
 Народ держао е Цохака за кровожаждуще чудо-
 вище, кое сваком смертію прети. Другим шер-
 пѣніем отвердне Народ, и напослѣдок нѣ се
 веѣ плашіо тога грозника. Подигнесе на нѣга,
 низвергне га с престола, кога е шако осквер-
 нію, и бацы га у мрачну ужасну шамницу. Ту
 лежеѣи Цохак сам на своима двема змїяма, и

не-

немогући ньїову прождерливостъ насыпити, буде оп ни найпосле и сам изеден. То е воистинну страшна Испорїа, рекне молодой Принц, када е нѣгов учитель окончао. Молим те, скажи ми какову другу, кою бы без ужаса слушати могао. Драгавольно, милостивый Господине! отговори Сахаб, ова коя слѣдуюе, быти ће и ироста и крапка.

Нѣкій молодой Султан поклонил одним лукавом и злом Евнуху цѣло свое вовѣреніе. Овај опакій человек найгора понятія о величеству и срећи краља усїе му у главу, подражи у нѣгову сердцу гордость, и похоть, кое су извор свакога беззаконія. Краль попусти се овим обоим склонностем тако; да е нима сав свой народ на жертву приносїо. Он е то за честь держао, када е люде презирао, и мыслїо е, да свою срећу на нїовой несрећи и погибели зидати мора. Што е было найпосле? Лиши се свое круне, богатства и ласкашеля; словом, ништа му не остане, него нѣгова гордость и сластолюбїе, и не могући те две грдобе удоволити; сам е оп срамоте и ярости умрети морао.

Принцу из Карацана ова друга сказка допаднесе, говорећи: Ова е боля, него перва; она не побуђе у человеку онзаквый ужас и удивленїе, као перва, на то нѣгов учитель отговори: Знайте, да обе едно кажу.

Пустыный Остров.

Нѣкій богаш и добар человек желећи едног от свои робова срећным учиниши, поклони му свободу и наложи, да напуни корабль многим и драгоценным еспапом. Сад, рече он, иди и плови у шућу землю, тргуй шим еспапом, и сав добыт швой нек буде. Роб оплови. Истом што се на море было упустіо, кад ал на едан пунт пресилна буря устане, и нѣгов корабль о камень удари и разбіесе. Прекрасный онай еспап потописе, сви нѣговы друзи потину, а он сам с тежком муком доплива до брега нѣкоег острова. Гладан, го наг оставлѣн далѣ унутра острова усудисе горко оплакиваюћи свою несрећу, кад ал из далека нѣкій великій град опази, из кога множество жителя пред нѣга шрчаху, выкаюћи радостно: Здрав и срећан было Кралю наш. То изрекши мелнуга на лепа кола, и у град отведу. Овай прииде у царску палату, гди га обуку у порфѣру, вѣнчаю царском круном, и на златан престол возведу: Первїи Народа около нѣга стану, и падши на колѣна учине му у име цѣлога Народа заклетву вѣрности.

Новый Краль с почепка мысліо е, да сва та слава нїе нишпа друго, него леп сан. Но другим уживанѣм те свое среће, престане више

сумна.

сумняшисе, да то чудесно приключеніе ніе истинно, говорѣи сам у себи: Я не могу да постигнем, што е могло овай чудесный Народ обчинити, да он страннога голог человѣка за свог Краля избере. Они мене не познаю, шко самъ и како самъ, ниши пытаю, откуд самъ дошао, него са мною управ на престол. Каковый е то чудесный обычай ове землѣ!

Тако мыслеѣи родисе у нѣму любопытство дознати узрок свога возвышенія: за то науми, еднога от первы придворны, кои му се мудар видію, пыташи, да му ту загонешку разрѣши. Везиру, рече он, за што вы мене вашим Кралѣм постависте? Како вы могоште знати, да самъ я на овай ваш остров пришао? и што ѣе найпосле са мною быши? Господине, отговори Везир, у овом острову обитаваю дуси. Они су отдавно Всемогущаго молили, да бы им сваке године по едног Адамова сына послао, кои бы нима господарію. Всемогущій Бог услыши нѣову молитву, и пошлѣ им на овай истый дан сваке године по еднога человѣка у овай остров. Нѣга жители, као што си видію, с радостію дочекаю и признаду за свог Господара; ал нѣгово владѣніе само за одну годину трае. Када пройѣе то време, и приде уреченный дан, онда лише га нѣговог достоинства, снине му царско укра-

крашеніе, а вмѣсто того мешну на нѣга просто и слабо одѣяніе; буде от свои слугу силом на брег опнешен и положен у корабль, само за то дѣло преправлѣн, кои ће га далѣ у другій остров отвести. Овай е пуст; свакій, кои е мало преће сильный Монарх быо, дойће овде го наг, гди ни жителя ни пріятеля не найће. Нипко не ће да зна за нѣгову несрећу, ниши нѣгов друг да буде, и шако у шой пустой земли мора жалостно и ядно живити. Он ніе време свога Господарства паметно употребію. По изгнанію старога Краля Народ, као што е обыкао, изиће пред новаго, кога промысл всемогущег Бога сваке године без изятія шилѣ. Овога они, као и первога с еднаком радостію пріиме. То е Господине вѣчный закон ове землѣ, кои ни едан Краль за време свога владѣнія поквариши не може.

А есу ли они, коису пре мене были, пыша Краль далѣ, знали, да е ніово господство шако маловременно? Сваком е, рече Везир, шай закон непостоянства познан быо; ал едне заслепи сѣйность, коя е ніов престол осѣнявала, и боећисе, да не бы пріятность садашнѣг живота огорчили, заборава на будущій свой жалостный живот, и проведу свое време, не стараюћисе, да буду паметны; а другіи сладостію среће свое опоени, ни су смели на

ону

ону пусту аду помислиши, боеѣсе, да не бы прїятность садашнѣга живота огорчили; и шако из едне радости у другу, као пїяни пре-лазеѣи, пролети им време, и опнесу и на ко-рабль, а када дойѣ онай несреѣный дан, сви се стану шужиши, и свое заслеплѣнїе оплаки-вати, али касно, они буду неволи предаши, коя е на нѣи чекала, и кою нису хотѣли му-дростїю избеѣи.

На Краля при той Ангеловой сказки страх нападне, ужаснесе оп несреѣе и судбине пре-ѣашни Кралѣва, желеѣи нїову несреѣу избѣг-нути. Со страхом опоменесе, да е веѣ нѣко-лико недѣля ове кратке године истекло; и да он поспѣшиши мора, остало време свога вла-дѣнїя со шим болѣ провссти. Мудрый Везире, опговори он Ангелу, шы си мени мою суд-бину и маловѣчно господство опкрыо: али молим те, што ми дѣлаши треба, да не пад-нем у ону бѣду и несреѣу, у кою су мои предцы пали. Ангел му опговори: Опоменисе, да си го наг у овай остров дошао, такоѣшь исто опец из нѣга изиѣи, ниши ѣешь се када годъ више шамо вратиши. Остае ти дакле само едан начин, за избеѣи оно зло, кое те у оной земли заточенїя плаши; то естѣ, учини е плодородну и обшашелну: то е теби по нашим законма слободно, а твои су садашнїи

подданницы тако послушни, да су готови
пойѣи, куд годь ты хоѣшь: пошли дакле
множество трудолюбивы ради на тамо, и обрати
она пуста мѣста у плодородне ниве, созидай
и градове и Житнице, и напуни и сваком по-
требном раном; на кратко: преправи теби ново
царство, коего ѣе жители тебе по швом из-
гнанію с радостію пріимити.

Али ускори; не пропусти ни едно магно-
веніе ока; знашь да е време кратко: а што
ты више учинишь на созиданіе швога будущег
обиталища, с тим ѣешь у нѣму среѣніе жи-
вити: помысли, да е швоя година сутра изиш-
ла, и ползуй швою слободу, као паметный
бѣгунац, кои пропасть свою жели избеѣи.
Отбацышь ли ты мой совѣт, и ако будешь
оклевати и дремати, то си ты изгублѣн, и
швоя е судба дуга несреѣна.

Краль будуѣи разуман и мудар человек,
ни мало не оклеваюѣи множество людій у
остров пошлѣ. Ови с радостію тамо пойѣу,
и дѣло с великом ревностію почну. Остров
се украшавати почне, и преѣе него што 6
месеций пройѣе, веѣ на! лепым нѣговым поляма
градови стояху. Ништа манѣ не оппустіо
ни мало от ревности; све више и више тамо
отсылаше жителей, и ови іоште су радостни и
веселіи были, него первіи, будуѣи да су у тако
добрѣ

добрѹ землю дошли, гдѣ нѣови прѣатели и сродницы живу.

Между тѣмъ приближашесе конецъ године; преѣашнѣи Кралѣви прѣпешали бы отъ того часа, када су они морали нѣово Господство оставити: а овай бы с горѣхом желѣом на оно исто време чекао. Знаюћи да у ону землю долази; гдѣ е он себи паметнымъ трудолюбѣемъ вѣчно обиталище созидао. Ето приспѣ уреченный дан: таки нѣга у нѣговой палаши ухватѹ, дѣадему и царско одѣяніе отъ му, на неизбѣжимый корабль метну га и на мѣсто изгнанія отвѣду. Истомъ што е до брега острова доплѣю быо, кадъ алъ види, да жишѣли с радостію предъ нѣга трѣче; ови га весьма лепо прѣиме, и главу му неувѣдаемымъ вѣнцемъ отъ цвѣтя сплетеннымъ украсе, вмѣсто оне дѣадеме, кое слава и великолѣпіе само одну годину прѣаише. Всемогущій Богъ награди е нѣгову мудрость с тѣмъ, што му е поклонію безсмертіе нѣговы подданника, и учини га нѣовымъ вѣчнымъ Кралѣмъ.

Онай богатый и благодѣтельный мужъ есть Богъ, а робъ, коего Господинъ у свѣтѣ отъ правля, есть человекъ; островъ, гдѣ овай долази, свѣтѣ; жишѣли, кои му радостно на срѣтеніе излазе, есу родители, кои се за голога плачущаго стараю. Везиръ, кои му каже за ону жалостную судьбину, коя му предъстоитъ, есть мудрость;

годи.

година нѣговог владѣнїя, есть теченїе чело-
вѣческаго живота; а онай пустыи остров, у
кои долази, будущій свѣт. Дѣлатели, кое
онамо шилѣ, то су добра дѣла, коя е у жи-
воту своему учинїю; а Кралѣви, кои су пре
нѣга шамо оплазили, не мыслеѣи о несреѣи,
коя им грози, то су веѣа часть людїи, кои се
само са земными увеселенїями забавляю, не ма-
реѣи на нїов по смерти живот; ове чека не-
достаток и ядность, будуѣи да пред престол
Всемогущаго голым рукама без добры дѣла
излазе.

Среѣа Кралѣва.

Нѣкїи Брамни у мѣсту Папна хотео е у
ютру рано да куд изиѣе; кад ал на прагу свога
дома найѣе от пвовине оплешену кошарицу,
и у нѣой дете. Ово да он прилѣжно отпра-
ниши, а када усмотри у нѣму весео дух и
добро сердце, почне се старати, да и едно и
друго паметным и нѣжным воспитанїем из-
образи. Труд Брамину около того дешета
будне на радѣсть и увеселенїе: ибо оно по-
лико се от нѣга ползуе, да мало по мало най-
боля достоинства получи; а по смерти Кра-
лѣвой, коего престол не наслѣден будуѣи,
единодушно избран буде за нѣгова наслѣдника.

Н

Овай

Овай держеѣи един краш суд своим подданником, опази из меѣу други нѣкоег' старог' человѣка, кои на нѣга непрестанно гледаше. Кралю се учини, као да у овог очима сузе радости и милошѣе усмотри, када у исто време некакoвoй человѣк особишог погледа у судницу униѣе: онай спарац на овога као бесан нападне, и нѣга, хопя да се овай опимао, к ногам престола повуче. Господине, рекне он, опмаспи ме над овым злочинцем, он е звѣздополковашель; и буди шако милоспив, да послушашь мое приключеніе: ибо оно е и само швое. Знай, да самь я швой оцац. Но я се нисамь усудіо, мене теби отккрыти: ибо самь се тебе у младости швоіой опрекао, и швою любовь не заслужуем; ал када самь видіо овог злочинца, кои е правый узрок мог преступленія, не могу се оп гнѣва задержати, ниши шаиши дуже мою шайну. Како си се ты родіо, шаки самь те овому варалици опнео, молеѣи га, да ми швою будущу судьбину опкрые. Он као да бы се са звѣздама совѣшовао, чудне кое какове знаке лицем показуюѣи, кое я нисамь постизавао, каже ми найпосле ове речи, на кое я никада не могу заборавити: До 40 година, или мало каснѣе швой ѣе сын у цѣлом царству найнесреѣннѣи быти. Я самь сав дркшао, чуюѣи то страшно прорицаніе;

бое

боеѣнсе, да ти живоѣ не сачувам, ком е Бог несреѣу опредѣлю, мешнем те многе сузе проливаюѣи на врата овог достойног Брамина, кои те е тако лепо воспитао. Ево 40 година истече, а ты си среѣан и Краль. Казни дакле овога, несреѣу предвозвѣщающег пророка; овог безстыдног лажу; а мени швом родителю опроси погрѣшеніе шаково, кое самъ учиніо, добро не разумѣваюѣи любовь мою к теби.

Молчаніе и забуна звѣздопалковашеля и жестоко раздраженіе старца, нѣгова жалость и радость, све се шо сложи, да обистине пу сказку. Сам Краль ніе се о том далѣ ни мало сумняо; ускори свом опцу, и загерли га говореѣи; После Бога и мог народа, тебе найвише почитуем и любим; само не ишти шо оп мене, да шай швой звѣздопалковашель казнен буде. Нѣгово пророчество, колико се видло, да е продерзливо, сбылосе са свим. Ах мой опче! колико далеко среѣа оп царске круне опстой! далѣ, тако да рекнем, неголи што опстой она ивова корпа, у кою си ме быо мешнуо, оп овог великолѣпног престола, на кои самъ преко волѣ ступіо. Я овде не осеѣам никаково увеселеніе, кое бы без выке и праске было; жестоко мученіе, кое шайно моя внутрення грызе, никакове слободе, никада мира,

много ласкашеля, а прїятеля ни едног; то е
кратко изображенїе ядноспи, на кою ме е Небо
отредило. То нїе доста, што я сва невинна
желанїя мог сердца дужноспем Кралѣвским
жертвуем; него я морам гледати, да желѣ мог
народа приписнем; макар и нїову к мени лю-
бовь изгубїю, и опш нѣи возненавиѣен быо: я
нѣи морам наперивати, да общїй поредак и
заедничко добро чуваю и помажу, опш ког обоег
они бѣже. На кратко! моя среѣна зависи опш
чуда, кое Небо заиста никада учинити неѣе.
Найпосле обрашисе к Народу, кои около нѣга
стояше, говорѣши: Моя децо, я ѣу онда, само
онда, а не преѣе, щаслив быти, када видим,
да сте вы сви добродѣшелни и среѣни.

Абдала и Балзора.

Име Хелим и сад е по свима восточныма
спранама познашо. Нѣга Персіани и данась па-
зываютъ Хелим природе испытателѣм: ибо е он
сваку силу шрава разумевао, дѣйствїя звѣзда
и оне шайне дознавао, кое су у душу Соло-
мона, сына Давїдова, уливене быле. У исто
време Хелим е быо Намѣстник црног Двора
Краля Персїйског и первый лѣкаръ великог Краля
Алнарешина. Ужаснїег Твранна ова земля нїе
никада имала, него што е быо Алнарешин.
Нѣго.

Нѣгово безчеловѣчїе, невѣрїе, и страшливость не могу се описати; из самог подозрѣнїя, кое никакова основанїя небы имало, дао бы он 35 свои жена и више отъ 20 сынова грознымъ начиномъ побити, само за то, што се бояо, да не бы они нѣму какову бѣду приузроковали, или нѣга упропастили. Найпоследѣ, када се умори веѣ немилостиво гонѣти свою фамілію, побоисе, да не бы колѣно Калїфа сасвимъ пропало; за то дозове едан пупъ Хелима, и стане му овако говорити: Я се опдавно дивимъ твоїою мудрости и добродѣтели, сад е време, да ти сасвимъ покажемъ мое повѣренїе, кое у теби имамъ. Знай да ми іоште само два сына остаю, кои су за сад іоште деца; моя е воля, да ты нынѣ са собомъ у свой домъ узмешь, и као твою децу воспитаешь. Настой, да буду смиренни, и безъ гордости; и тако да наукамъ и добродѣтели прилѣжаваю. Само на шаковый начинъ родъ Калїфа сачуваице може; после мене моя ~~те деца~~ кралѣвапи, не пражеѣти, да ми іоште за живота могъ престолъ отъму. Твое повелѣнїе, Господине, отговори Хелимъ, я ѣу испуниши: поклонисе до землѣ, и отиде.

Узме таки децу у свой домъ, и почне и воспитавати у Наукамъ и добродѣтели. Младїи Цариѣи любили су Хелима, као свога отца, и нѣговымъ наставленїемъ шолико су успѣли, да

су већ у 20-ој години сву восточну мудростъ научили. Старіи звао се Ібрахім, а млађій Абдала. Између њи обоице была е совершенна любовь и пріятельство: за то и данашним даном о вѣрным пріятелѣм говорисе: Живу едан с другим, као Ібрахім и Абдала.

У Хелима ніе више дѣце было, кромѣ едне дѣтери. У нѣзином лепом шѣлу прекрасна обитаваше душа. Што се нѣна воспитанія тиче, шу е оцац здраво настојо, да бы она између женског пола найсовершеннія постала. Она е у испыма наукама, у коима и Принцы, насипавленіе имала. Живећи дакле с овыма свакиј дан заедно, између њи уведесе любовь, као између браће и сестре. Абдала будући блажіег сердца, нежел' брат нѣгов, возлюби ю шако, да ніе више живити могао без свое любезне Балзоре, (то е было име оне беззлюбне девойке).

Глас нѣне лепоте међу тим на далеко се расчует, и већма и већма разспе, докле ніе и доущію Кралѣвы дошао. Овай, као да посѣти свое сынове, замоли Хелима, да бы му ніову другарицу Балзору показао. Ова своіом пріятностію Краля тако умили, да он шаки другій дан Хелима к себи зове и каже му: Я самъ наумію, да ти за твое вѣрне заслуге платим; за то избирам твою дѣтерь за мою супругу: она са мною постае данась Кралица Персійска.

Хелим,

Хелім, чуюћи шай глас, учинимусе, као да е гром кроз нѢгове уши пролетіо, знао е судбину несрећны Кралица, кое су таким начином на престол возвышене быле; знао е и то, да Абдала нѢгову дѣерь шайно люби, но о том е сад ћушити морао. Но брзо к себи дойће, говорећи смиренно: Краљу Народа! коліко роб швой признае швою милость; толико да буде мысль ова ош тебе далеко, да ты кровь Каліфа осквернишь, и узмешь дѣерь швог лѢкара.

Али све забадава; никаковый изговор Краљ не слуша, него заповѣди, шаки да му се Балзора доведе; а опца задржи, да он нѢой шу честь яви, с коіом е ню Краљ Персейскій помиловао. Балзора будући мудра и паметна ніе на шо мыслила, ниши у себи немирна была, есть ли нѢзина лепота у сердцу Краљву дѣйствовала. Дойће и спане пред нѢга, као незлобива дѣвица, коя у раю живи. Но како чуете за поклонѣнну честь, обнезнанисе, и мертва пред ноге Краљве падне.

Хелім епане плакати, а када ю мало к себи доведе, представи Краљу, да е та нечаянна честь за ню верло велика была: нѢой се шо, као учшивой дѣвици, ніе могло на едан пуп казаши: али ако Краљ захтева, он ће ню на шо мало по мало приуготовити. Краљ
му

му заповѣди, да ради како најболѣ зна, и оппусти га от себе. Балзору отнесеу на праг у дом опчин. Ту се она опомене, да е изгубила свог любезног Абдалу, и нѣна се жалостъ свакой час возобновлявала. Наипосле падне у шежку вруѣицу, не знаюѣи о себи више ништа. Краль тамо свакой дан слао е вѣспнике, кои су ню своим очима видиши морали, и нѣму о нѣном состоянїю гласе доносити. Када Хелїм види, да се Кралѣва спростъ от дана на дань умножава, и яча бива; нїе знао, како бы другим начином свою дѣерь из руку нѣговы избавїо, него када бы учинїо, да се види, као да е она умерла. Среѣом уграби весео час, и открие то своїой неушѣшной дѣери, храбреѣи ню, да їой неѣе ништа быти. Она на то соизволи. Отац даде їой неко питїе попити, знаюѣи, да ѣе она после тога, много времена, као мертва лежаши. Како почне оно питїе дѣїствовати, таки Хелїм первый, као неушѣшный отац яди куюѣи, ко Кралю похити, да га о смерти свое дѣери извѣсти. Краль, кои у сердцу свом никада не бы чисто чловѣческо чувствїе имао, брзо се ушѣши, и рече Хелїму: Будуѣи да е у мом Царству веѣ познато, да самъ я швою дѣерь за мою супругу избрао быо: за то прїеиоисе, да она после свое смерти за такову признана буде. Уреди дакле, да иѣ-

зико

зино шѣло у црному Двору покрай шѣсса
мои жена и дѣце отпочива.

Обычай е код Персіана быо, да, када бы
шко от Царске Фаміліе умрео, таки бы се
нѣгово шѣло у црный Двор без сваке помпе
пренело. То е было мѣсто, гди су сви они
отпочивали, кои бы се от Каліфа раѣали, или
каковым годь другим начином с нима сроѣени
были. Верховный лѣкарь бывао бы тога Двора
надзирашеть, будуѣи да е нѣгова дужность была,
старатисе за балсаміранѣ и сачувнѣ Царске Фа-
міліе после нѣне смерти, како годь што се
морао за живота о нѣой бринути. А звао се
за то Црный Двор, што е было от лепог
црног мермера созидаи. У нѣму су 4000 кан-
дила непрестанно горела. Нѣговы сто велики
врата от ебанова дрвета сто Арапа чуваю дан
ноѣ, да нишко унутра не униѣе, кромѣ над-
зирашеля.

Дакле Хелим шѣло свое дѣери тамо от-
несе. За овым таки дойѣе и друго, то есть
шѣло Абдалово Кралѣва сына. Овай, како
чуе, да е нѣгов отац намысліо Балзору узети,
падне у болесть, коя свакій дан тежа бываюѣи,
на послѣдок буде смертна, чуюѣи мниму смерть
свое Балзоре. Отчае и хоще е за нѣом на онай
свеш пойѣи; али отац Балзоре помогне му;
даде оцо исто питіе и нѣму, кое и Балзори,

да

да попіе, и тако будне он у мало дана после нѣзиног погребенія нѣзин друг у Двору мертвы.

Балзора се перва пробуди у предсказанный от отца саш. Он ю с милосшїю загрли, када оживи, и покаже їой шаки нѣзиног Абдалу, кои покрай нѣ спаваше; да бы отвратио нѣне очи от оног ужасног мѣста, гди се находила. Каже їой нѣгову за нѣом шугу и печаль, и како бы он заиста дошао у ову мршвачку кућу. Онда препоручи їой нѣгово лепо шѣло, докле се он не пробуди. Како годь што Ангел воскресенія стражи над умершим, докле не дойће саш, да му сване; тако е Балзора над милым своим любезником бдила, докле нїе мало по мало час дошао, да лѣкарство свою силу изгуби. Будући да Абдала нїе ништа о Хелімовом умыслїю знао, када му е оно пишїе дао; за то нїе ни могуће описати, колико е нѣгово удивленїе и радость была, када се пробудїо. Он е заиста мыслїю, да се находи у мѣсту блаженны, и да се дух нѣгове любезне Балзоре, кою е он за мершву держао, первый явїо, да га у рай опведе. Покажему она мѣсто, гди се находе; но и овому се ужасно мѣсто учини много прїятнїе, него Мухамедова сѣница, видећи, да шу са своїом милым Балзором живи. Хелім, о ком су мыслили, да се он с балсамїранѣм ова два шѣла забавля, често бы у црны двор

двор долазію, надглядати свою дещу, и донести
 им што пошребно. Али найвећа му е брига
 быда, како бы нѣи из те мртвачке памнице
 извео, и нѣов живош запаіо, будући да су
 врата, како што е мало пре реченно, Арапи
 чували. Та е иста брига и ово двое любезны
 весма узнемиривала. Срећом досетисе Хелім,
 да се приближава дан полноунія, кое у месецу
 Тицпа быва; онда бы по миѣнію Персіана душе
 умершы из Кралѣвске Фаміліе, ако се у бла-
 женном сосстоянію находе, свагда после нѣове
 смерти на восточна врата црнога Двора изла-
 зиле: за то бы се ова врата и звала врата рай-
 ска. Каже иста басна, да бы душе у сѣйном
 одѣянїю на врата излазиле, коя бы се пред
 нима отворала, а за нима затворала, и при
 свѣпленью месеца отнешене бы быле у она
 поля вѣчног мира. Хелім се весма обрадуе опо-
 менившійсе те басне, и сами любезнїи радова-
 хуся: едва чекаю вече, када ће се из нѣове пам-
 нице опросити. Хелім све, што е пошребно
 было за то вече, мудро преправи. Абдалу и
 Балзору обуче у плаво свилсно одѣяніе, ово е
 прекрасно откано было. За нима се найшанїй,
 бѣліи от снѣга, обвипак (флор) вїяше. На
 глави Абдаловой зеленяшесе вѣнец от Мірше,
 а на глави Балзоре цвѣпаше вѣнец скоро уза-
 браны ружица. Из нѣова одѣянія найпрїятнїи
 Арапскїи муриси изліяхуся.

Испом што Месец изиће, кои као њи ради новом нѣком сѣиноспію све осѣни, кад ал Хелім изнушра полагако врата райска отвори, и опет брзо затвори, када изиће Абдала и Балзора. Арапи спражећи на врапи, када е месец најлепше свѣшлію, на едан пуш виде та два явленія, наслаждавајућисе мврсом, кои е из нїовы халина излазію; ниши су што друго помислили, да е, него да су дуси оны, кои су ономад умерли, падну лицем на земљу, а међу шим обое кроз сред њи опиду, и докле су они на земли лежали, поудалесе. Другїй дан раскажу што су видли; ал и сам Краль и сви другїи держали су то као за нѣко улагиванѣ, кое се обычно Кралѣвској Фаміліи чини.

Хелім, како што се договорію, держао е две мазге не далеко от црног двора преправлѣне; на то мѣсто када су они побѣгли, дойће и он, и отведе и на свое добро, кое лежаше на гори Какан. На нїој воздух весма здрав баше. Хелім Краля после дуге болести тамо отведе; овај оздрави, и за то му сву ону планину и кућу, коя на нѣзином верху стояше, поклони. Овде у овой самоћи живію е Абдала и Балзора. Обое умели су време полезно и весело проводиши. Любовь е међу нима непрестанна и взаимна была; за то им самоћа ни-
мало

мало досадна ніе была. Абдала предасе оным художествам, коя су нѣговом садашнѣм живошу и мѣсту сходна была. Цѣла она планина нѣговым трудом у мало година обратисе у найлешій вертоград, коего све части цвѣтем, и дресы покрывене бяху. А и Хелім будући милосшив оца, све е чиніо, што е могло Абдали ово мѣсто пріятно учиниши.

Абдала и Балзора живили су ту скоро 10 година; онда ће умрети старый Краль, а вмѣсто нѣга на престол дойће нѣгов сын Ібрахім. Овай, истина, за дуго ніе се могао утѣшиши због смерти своего брата; но за то Хелім ніе му смео тайну отккрыши, знаюћи, да бы из шога велико зло слѣдовало, када бы старый Краль шо како годь расчуо. Када е већ Ібрахім почео царствовати, онда Хелім спане пражити прилику, како бы му сву спварь отккрыо, не сумняюћисе, да она тако великодушному и милосшивому Прінцу не бы мила была. Али Ібрахім случайно све што е было, от други людій извѣстно чуе, пре него што ће му Хелім казати. Младый Краль у лову поудалисе от свои слугу; борећисе са жећом и врућинном дойће на гору Каван, и попнесе горе, а када дойће у дом Хелімов, замоли, да бы му укрьпленія дали. Срећом ту е было Хелім. Овай му найизбраннія віна и воће предложи, коима
када

када се насыти, весма се развесели. Онда му Хелім рекне: најболѣ и најмиліе нѣговог дочекиваня и части ніе іоште осетіо, и спане преѣашне приключеніе казывати све по реду. Краль зачуѣн и от радости као изван себе слушаше, када на едан пунт опази свога Брата с Балзором руку у руку и с нѣом много дѣчице; весело скакаюѣе. Он е, повыкне Краль, прчеѣи пред нѣга, он е сладкій мой Абдала: падну едан другом около врата, и плакаху. Сви, кои су ту были, молчаху, а Балзора сузе радости проливаше. Дѣчица скакаюѣи около Краля познаваху на нѣговом лицу подобіе свога отца. Краль Хеліму пріятельскій пребацываюѣи, што му е тако дуго нѣгова брата и сестру таіо, загрли нѣи све и саму Балзору, друга-рицу нѣгове младости с милошѣу говореѣи к нѣой: Оди са мною и буди заиспа Кралица, као што си на то и опредѣлена была; я ѣу моему брату све завоеване землѣ с ону страну Тігра уступити. Али Краль у очима ово двоє Среѣны, кои се іоште и сад любляху, брзо смотри, да они воле овде у овой самоѣи оспати, нежели нѣгово Кралѣвство. Он дакле отступи от свог намѣренія, и поклони им сву ону землю, докле су годь они с верха планине Какан видити могли. Овде они и далѣ среѣно живляху, и Абдала допле ніе быо миран, докле не

сву

сву ту страну као у нѣкѣй веселый вертоград
обратію. Ибраим често бы нѣи ту походію, и
отпочивао на той райской гори от гди кое
туге и бремена правленія.

Он е задуго и среѣно царствовао; умре
наипре он, а после нѣгов одинац сын без на-
слѣдія. Абдала сын Абдалин и Балзоре попне-
се на престол Персійскій. Ово е было онай Пер-
сійскій Краль Абдала, кои споліцу царску на
гору Какан пренесе, коя е и данашним даном
наимиліи двор Персійским Монархом.

Просяк и нѣгово огледало.

Просяк из Шираса найѣе едно мало огледало,
у ком се ружно лице лепо показываше. Он
мудар будуѣи знао се шим спаклом тако слу-
жити, да е оно у нѣговым рукама превелико
богатство было. Держеѣи свое огледалце спрам
мимоходящи смиренно говоряше: Гледайте ово
прекрасно и пріяшно лице, кое вам е Бог дао,
и уделите вашему сиромашном слуги. Тко бы
могао прошеніе овога поштеног просяка оп-
бити? Свакѣй га е благим сердцем, а навла-
стишо Госпоѣе, богато обдаривали. Таковым
начином он е себи и своима свакѣй дан довольно
препишанія добывао. Едан пуп разболісе ста-
рый просяк, и псвѣри ово огледало; своему сыну,
учеѣи

учећи га, да се добро узме у памешь, служе-
 Ћисе шим огледалом: ербо Ће му сав шруд за
 бадава быти. Дете пред вече враписе без
 сваког добыта, и исповѣди, да е заборавіо,
 пролазећим милоспива сердца людма оно чу-
 десно огледало показати. Каже, да е он сам
 случайно у оно погледао, и видіо, да е шако
 леп, да цѣлый дуговетный дан ништа друго
 не могаше радити, него сам себи чудитисе.
 О луда главо! рекне шаливый спарац, што си
 с тим добыо? еси л' богати и лепши сад по-
 стао? учисе, от пвог опца разликовати чело-
 вѣка памешног от будале: луда се сам себи
 улагуе, а разумный около будале. Онда раз-
 умна дѣи просякова рекне: Опац, я мыслим,
 да е то обое людма шкодливо. Своелюбіе чини
 чловѣка лудым, и даде се лагко преварити,
 а улагиванѣ около други чини, да образ ласка-
 шеля постане преварливо огледало, на ком
 се само будала радо огледа, али преѣ или
 касніе, раскаяніе бытиѣ нѣгова плаша. Ходи,
 брате, мы ѣемо нам наше препитаніе на леп-
 шій начин тражити.

Х а с а н.

Када е Калиф Алмалик првый пуп у Мекку
 светному дому пошао, допаднемусе у пупничком
 одѣя-

одб'янію и непознаті ходити по граду. У нѣму обитаваше сердце великодушно и непришворно Богочестіе; он бы потайно испраживао оне, кои су у нужди и неволи, и овым бы нїову шугу своим благодѣянїем облагкшавао, и шако бы истиннишо свое Богочестіе показывао. Тако обучен униѣе едан пупи у дом нѣкоег ружкодѣлца. Овай код свог посла седеѣи, некакову веселу пѣваше пѣснь. На лицу му обитаваше здравіе, и задовольство, а у дому свакій добар поредак и чистоша. Хасан, шако се зваше овай сирома, овог светлог путника любезно прїими и дочека; а када га почаспи са укрѣпителным елом, онда веселый разговор с ним поведе. Алмалик зачудисе, када види у овой сиромашкой колибици найсреѣнїег у свом царству. Он се нѣму нїе могао доста начудиши, нїе се могао довольно наслушати и нагледати, како у овом сокрывенном углу истиннишо щастіе живоша обитава. Хасан, рекне Алмалик: я самъ шебе омиловао, и рад бы ти мою любовь буди чим показати. Желишь ли ты іошше што, кромѣ шога щастїя, кое ты у теби самом имашь? Хасан смеюѣисе опговори: Я што бы друго желїо? Я самъ хвала Богу здрав, мени е сдан дан као и другїй ведар и светао, с пѣванѣм пшица пробудимсе, с нима мой посао погнем, и дочнем: овай ми

довольно препитаніе дае; я самъ задоволян; што ми дакле не достае, и што бы ми шы добросердечный пущниче даши могао? Любезно погледа на нѣга Алмалик, и бацы свое горнѣ одѣяніе наспраг, говореѣи: Я самъ Алмалик, Владѣтель вѣрны свію, видишь ово одѣяніе Калифово, и свешый печать пророков. Безгласан падне Хасан пред ноге свога Владѣтеля; но овай му пружи руку, милоспиво говореѣи: Хасан, усшани, шы си среѣнїи дакле и веѣій оп мене. Господине! опговори му овай: я, кои самъ черв спрам тебе, да самъ среѣнїи него шы? Никако; швой поглед дели среѣу и несреѣу, коме хоѣе. Не вѣруй, узме Алмалик речь; я ни кому никакове среѣе дапи не могу, али могу е без волѣ опешти; беззаконїе казниши, злочинїе и насилїе у узди держаши, шо е моя дужность: дошле само моя власпѣ доспиже, далѣ не. Сва е моя сила нишпа, када бы хотѣла испиннишо кога среѣным учиниши, и добродѣтель наградиши. Када бы я шо могао, найпре бы шо тебе учинїю. Али видишь, и сам си шы выше мое власпи; я бы те шога простог живоша и шы лепы дана лишїю, када бы богатство или высоко какво достоинство, шо е едно у моїой руци, на тебе наповарїю. То изрекши уста и опиде налагаюѣи Хасану, ником не казаши, што е он.

он. От тога часа буде Хасанова блаженность нарушена: на едан пуп пѣговым сердцем, кое до сад мирно и безбрижно баше, облада желя достоинства и богатства. Он бы се сад на сам себе лютио говорѣти: Нисамъ ли я луд и прелуд? я могох овом приликом вмѣсто овога мога низког соспоянїя добыти шаково, гди бы се сяо и величао. Али гди ми е паметь была? Стане му нѣгова низкость шерешна бивати, све бы му по глави коекакови вертогради, дворовы и слуге летице. О том непрестанно саянлюћи заборавіо бы на свой посао; свакій дан биваше оскуднїи, найпосле постане скоро просяком. Међу тим Калиф после едне године дойће опеш у Мекку, и едва дочека, да онога срећнога полази. Уће у нѣгову собу, да га мало и любовно поздрави: но весма се зачуди, када види, како се све код нѣговог прїателя премѣнило. О Хасану, рекне Краль, што е то? Кои е узрок те страшне премѣне, кою сад овде видим? Чуе Краль, да е он сам узрок те несреће. Милостиво погледа на тога бѣдника, и као шайно сам себе кривећи почне, сожалуюћи о нѣму, с шугом неком говориши. Бѣдный Хасану! шы си више изгубіо, када си ме видіо, него што ши моя власть даши може. Ал да не рекнешь, Алмалик е неправедан, знай да ћу я швога сердца желѣ, кое самъ нера-

зумным начином у теби раздражіо, у толико
испуниши, у колико ми могуће буде. Успани
и ходи са мною. Хасан полюби великодушном
Калифи скупи нѣгове одежде, пак онда бѣжъ
отъ свое сиромашке куће, гди е он толико го-
дина среѣно и безбѣдно поживіо, као што се
бѣжи отъ львоуе пещере. Дойће с Калифом
у Каравансеру, гди преноће, а отшуд у Багдад.
Сад што болѣ него Хасан: Алмалик овом залу-
ѣенику да собу у свом двору, робове свое на
послугу, са свога стола ело, и сваке недѣлѣ
поклони му из свое кассе царске толику сумму
новаца, коликой се шай новый придворный не
ни надати смео. Првы дана Хасан не бѣше при
себи отъ превелике радости, ишао бы као у
неком сну, и мыслио бы, да отъ нѣга сад не
има среѣнїег чловѣка. Али мало час у сред
пога векиколѣпїя почне му време дуго бѣвати:
наилепша ела бѣла бы нѣгову вкусу несладка
и непрїятна: ибо е части наиболїй зачин глад:
на наилучшим постеляма не бы сна имао: ибо
спаванѣ само е упруѣеным мило и прїятно.
Сад у себи спане уздысати за изгублѣном
своіом веселостїю, а іошше горе, када напра-
сно Алмалик умре у цвѣту свое жизни, и када е
найсїяйнїе нѣгово бѣло владѣнїе: с ним бѣде
конац и доброга живота Хасанова. Абубекир,
кои на мѣсто Алмалика дейће, овог непотреб-

ног госта из свог дома испера. Хасан, оп среће размажен, као громом ударен, снужден, кое куд скипашесе; желаше у Мекку врапитисе, ал не смѣяше оп срамоте поѣћи опеш у старо свое убожество, и быши своим спарым на срамоту и поруганіе. Ал Ангел промысла, кои лудости сердца нашег весьма малом казню казни, нѣ га быо іоште оставіо; он наведе нѣгов изгублѣнный пупъ колиби нѣкоег пустынника, да бы му овай своіом мудростію блаженность вратіо, кою му е онай добрый Султан узео быо. Гладан и жедан доѣде к оной колеби, ту га старац брашском милошћю пріими. Када га нарани и напои, онда запыта за нѣгово соспояніе; и цѣло приключеніе измами из нѣговог ранѣног сердца. Не бойсе, рече он, када све преслуша, буди утѣшен брате, извор твое блаженности іоште нѣ усануо; он теби и сад извире, акоси га и презрео. Замоли шога несрећника, да код нѣга остане, преда му свой малый верпоград на радню, и шако га, да и не осети, опеш навикне умѣренности и послу; скажему свое приключеніе, кое га е научило, да е искусством познао превару среће, досадность лѣнивог высочества, и бодливо триѣ суешны желя; и да нѣ преће срећан постао, докле нѣ овай сакривенный уголь землѣ у верпоград обратіо, и видіо, да свою срећу сам у себи

себи пражиши мора. Како годъ што тиха роса благе вечери днешним жаром изгорела поля укрѣплява; тако е наука овог богочестивог пустынника малаксано сердце нашег странног укрѣплявала; овај у неколико дана много другоячій постане. Осети у себи силу, да се може у оставлѣну свою колебу вражиши, свой прѣдшній посао почети, и овим опет свою прѣдшню блаженность окусити. Сад при Султана да су на нѣговы врати лупали, и да су му богатство нѣова царства давали; с радостию бы он нѣи презрео; ибо е видіо, да е Алмалик истину казао, када га е у нѣговой трудолюбивой скудости, у здравой и задовольной умѣренности найсреѣнїег назвао.

Пар папуча.

У Багдаду живіо е нѣкій стар торговац, именем Абу-Касем-шамбури, кои због свое скудости надалеко разглашен баше. Нѣгово одѣло, покрай толиког богатства, баше у самим закрпама, а чалма от найдеблѣ чое; коя от какове е фарбе кадгодъ была, ниси могао веѣ различати. Али измеѣу свію нѣговы халина, папуче су му найвеѣег вниманія достойне были. Нѣовы ѣонови бяху свуд наоколо с велики ексери подковани, а нѣова горня часть состояше

шесе из толико парчета, колико одѣло, буди
каковог просяка имаши може; ибо за десеть
година, ош како и носи, сви найискуснїи кр-
пари Багдашскїи, колико е годь кои умео, по-
шудилисусе она парчета саставляти. Нужно
дакле быле су оне тако тежке, да, када бы
годь кои хошео што наружиши, шо бы Касе-
мове папуче за примѣр довео.

Касем ходеѣи едан пупш по великом град-
ском торжищу купи, по совѣшту нѣки свои
прїяшеля, много крїспалны сосуда, и шо доста
поевшино. Мало за тим чуе, да е нѣкїй мври-
сопродавац с своїом шрговином пропао; само му
їошше неколико фуншїй ружичине воде, као по-
слѣдня помоѣь и прибѣжище, на продаю остало.
Касем овог несреѣу на свою ползу да обрати,
купи ош нѣга за пол цѣне ону ружичину воду.
О той среѣнной шрговини веселяшесе он безмѣрно.

Восточни шрговцы имали бы обычай даши
част, када бы годь што благополучно купили.
Ал овом нашем сребролюбцу нїе до шога было.
Он е волео веѣ едан пупш и на свое ядно шѣло
штогодь попрошиши. Оде дакле у купѣль,
што ош толико времена нїе себи хошео учи-
ниши. Када е свлачїо, рече му едан ош прїя-
шеля (кога е он за шакова држао; ибо сребро-
любцы, као што е он, ретко имаю прїяшеля)
да бы веѣ едан пупш време было, нове купиши
папу-

папуче, а оне старе, кое му у цѣлом граду ни на шпо, него на поруганіе служе, да оппусти. На то я, ошговори Касем, ошдавно мыслим; ал када и добро посмотрим, чинемисе, да ни су сасвим шако неваляле, да не бы могле јошпе послужити, међу шим свучесе и у купалницу оде.

Мало за шим дойђе и градскій Кадіа. Касем будући пређе гошов с купанѣм, него Судія, за то пређе и изиђе. Обучесе, али нейма нѣговы папуча. На вмѣсто нѣи стояху друге нове. Наш сребролюбца брзо се увѣри, да е шай новы пар папуча поклон ош оног пріятеля, кои му е при свлаченю лепо поученіе о нѣговим папучама учиніо. Он ши брзо нѣи на ноге, пак пун веселя кући, говорећи: Хоћу му заиспа захвалиши, кад га видим.

Ал нѣговом несрећом то су Кадіине быле папуче. Овай када се окупа, иште ош слугу папуче, ал забадава се тражи, на мѣсто оны найћу неке стародревне са свим неваляле, и шаки познаше, да су Касемове папуче. Брже болѣ врашар за нѣим, ухвати га, и као крадливца, пред Кадію довуче. Овай гнѣвом разярен на беспыдну продерзливостъ старог сребролюбца, заповѣди бацыти га у шамницу. Ядны Касем, да не буде явно, као крадливац осрамоћен, морао е, по обычаю воспочном, многе новце

новце даши. Морао е више платити, него што папуча што су вредиле, само здравом кожом да бы се измаћи могао.

Како дойђе дома, за осветишисе своим злотвором и штете причинителѣм, бацѣ и пун ярости у рѣку Тигар, која покрай нѣговог прозора печаше, да му никада више на очи не нзиѣу; ал судбина хотѣла е друго што. Мало после рыбари вукуѣи мрежу, осете, да е чрезвычайно тежка. Помысле, да су какво сокровище заграбили, кад ал оно Касемове папуче, ко е се бяху за мрежу захвачиле, и тако ю подеру, да су ю нѣколико дана крпѣши морали.

Люто разсрѣени рыбари на Касема и нѣгове папуче, бацѣ их кроз нѣгове отворене прозоре. Ови тежки гвоздени непрѣтсли улете меѣу она на прозорма, лепо пореѣана стакла, која по несреѣи ту и сад пуна оне лепе мало мало пре купѣне ружицине воде стояху; поразбѣяю најлепши кристал, а прекрасна от ружице вода по земли пливаше.

Како е сад старцу было, када у собу уѣе, и шаково разореніе види. Проклетѣ папуче, крикне он, чупаюѣи браду, неѣе те вы мени више штете чиниши; спопадне ашов и потрчи с ѣнима у вершоград, брзо ископа раку, да и живе погребе. Ал ево нѣгове несреѣе! при-
вреба га нѣгов сосѣд, коиму отдавно шко-

диши

дити желяше. Онай час опрчи Судїи, и яви му, да е Касем у свом верхограду нашао велико богатство. То е доста было за распалили Судїину за новцем лакому душу. Всуе се наш богатый старац клео, да он нїе ништа нашао, него да е свое папуче онде закопао. Ископа и опеш и пред суд донесе. Ал залуду! Кадїа е едан пуп себи новце у главу мешнуо; Касем принужден, плаши опеш велику сумму за свое избавленїе.

Отчаян вратисе оц Судїе носећи свое у руци папуче; преда и из свег сердца злом духу. За што, да и на мое велико безчестїе їоште у руку носим? Пак онда с нима у олуку близу Кадїине палате, говорећи: Сад ћу се вас едан пуп опросити, после мог толиког прошка, идите до дїавола. Ал Дїаво и у блапу олука чуе нѣгове речи, и желећи му їоште кою шалу причинити, загаши с нима цѣв олука. Вода немогући опшицаши, спане и удари напруг. Кадїины дућани наводнесе; скупесе майстори: Све ове шпете и несреће нишко не беше крив, него Касемове папуче. Майстори срећом найћу и у блапу, кое се нїовом немарностїю у олуку накупило было, и тако се они оправдаю. Госа папуча дойће под зашвор. Кадїа мыслећи, да е то очевидна освета, кою му е Касем хошећи учинїю, овога опсуди, да їоште већу сумму

сумму плахи, него што су оне две прећашнѣ
быле, и вратиму папуче на праг.

Онда рече Касем: Проклѣте папуче, што
ѣу сад с вама радиши? Я вас предаем свим еле-
ментам, а вы ѳоште с већом моѳом шпешом
вратисте! сад ми само то остае, да вас пла-
мену на унищоженіе предам.

Ал сте, важећи и на рукама, пуне благи
и воде, за то вас морам на сунце метнути, и
на моѳой спреи осушити; а вас више у мой
дом унести, чуваћусе, као вапре. У том поп-
несе на кров свое куће, и положи и ту пред
очи сунчане. Ал несрећа ѳоште нѣ сву свою
вештину прам нѣга изцѣрпла; послѣдній удар,
кои е за нѣга задержан, быо е оп свѳю най-
жесточіи. Псето нѣгова сосѣда опази папуче,
скочи са крова свог господара на кров Касемов,
и почне се ту играти, напезаюћисе с нима шам'
овамо. У том играню — о велике несреће —
падне она жалостна папуча трудной жени на
главу, коя у исто време поред дома проѣће;
падне жена и помешне дете. Нѣзин муж яви
то Судји; и Касем буде сад грозніе казнѣ,
него што е икада быо: ибо нѣгова несмошренна
папуча мало нѣ два человѣка убила. Судја
правде, рече Касем Кадји с толиком осбилно-
стію, да се и овай сам смеяти морао; я самъ
гошов све плашиши, и претрписти, што годѣ

шы присудишь; само то молим и от правде обрану и помошь просим прошив мои главны неприятели, кои су до овог часа узрок были све мое шуге и несреће. То су оне ядне папуче. Оне су мене у нищету, у безчестіе, и у саму погибель довеле, и шко зна, што іоште мысле. Буди праведан, о великодушный Кадіа! и нареди, да се сва несрећа, кою ће іоште без сумнѣ ово орудіе злы духова учинити, не мени, за Бога, не мени, него нима припише.“—

Судія ніе могао нѣгово прошеніе отбити, него оне несреће общег и домашнѣг мира бунителѣ код себе задржи. А старцу ніе могао болю науку дапи, него кою е он сам с великим своим трошком научіо, то есть: да треба што найбрже нове купити папуче, кад старе већь непомребне постану.

Путь у Вавлон.

Испом што е зора забелила была, а я уседнем на мог осла и упушимсе спазом, коя на царскій путь управ у Вавлон води. О како радо, сладко, и весело гледаю очи мое оне нове холмове! Колико е цвећа на оним прекрасным ливадама! каковый е то нїов укрѣпителный и любкій мурис, кои се по воздуху разлива! Кроз два реда прекрасны дрevesa иде мой путь; у нїовом

ніовом ладу могу я с моим ослиѣем, када ми буде драго, почивати. Каково е великолѣпіе неба! какова красота дана! како е чист въздух, коим дышем! Мени ніе нужда наглиши, за што я могу с моим скопом и умѣренно пупуюѣи іоште за дана у Вавулон доспѣши.

С оваковым мыслима забавлѣи, было самъ чисто као піян от презѣдне сердца мога радости. Мылим погледом сматрам на мог скопа, и почнем га гладити: Када ал на едан пуп внезапно чуем за мною неку выку, обазремсе, и упазим множество людства мужеског и женског пола на великолѣпным камилама, гди за мною иду. Ніов поглед бѣше намршпен, и презри-телен; а одѣяніе от порфуре, пояс от сувог злата, посѣян самым драгим каменѣм: У едан ме час ніове камиле спигну; из близа у нѣи гледаюѣи чисто ми се очи от презѣлног бли-станія помраче. О како се я сад мени на мом ослу мален учиним! Спанем се исправляти, и прошезати, ал све залуду; едва моя глава до ніови пѣша досязаваше. Мое високоуміе найѣесе весма увреѣено; но ништа манѣ и тако усили-вахсе за нѣима приспаяти.

У моіой презираюѣой нестерпѣливости терам мое магарѣ, желеѣи му, да наросте у высину найвеѣе камиле, и да оба нѣгова ува ніове главе превозвысе. Гоним га, шибам га;

бѣднѣй

бѣднѣйшій скопъ нагли, колико наглиши може, ал за луду; за што шесть нѣгови коракля едва полико пуца захватиши могоше, колико едан коракляй камиле; веѣ изгубим и испред очію мои, и с нима за едно сву надежду мою, да ѣу и када годь спигнути. О какова е и колика разлика, помыслим у себи, измеѣу нїовом и моїом судбином! За што они не седе овде, гди я, а я да самъ на нїовом мѣсту? Я бѣднѣйшій пушем сам на найяднїем и найспорїем скопу, а они тако горделиво покрай мене яшу, и іоште што више, стыдесе мене у свом имаши дружеству.

Овако размышляваюѣи пустим уздицу из руку: мое магаре осепи, да га я више не гоним, почне све ногу пред ногу; найпосле сврашисе с луца; лепа пространа ливада лагко га примами: Спусти главу, и почне праву чупаши, предивна ова шрава осладимусе; позове га да мало и оппочине; спустисе, а я с нѣга на землю паднем и шргнемсе из сна; кад ал чуем опеп выку; хиляду различны гласова улешу ми у уши. Отворим очи, кад епо ши, угледам силно множество, безчисленократно веѣе него оно перво. Нїови скопи бяху кропки као и мое магаре, нїово дугачко оп плашна одѣянїе нїе се оп мога стыдило. Видим, како се едан с другим любовно разговара; усудимсе

и я с едним, кои ми найближїи баше, у разговор. Наглили вы, речем му я, колико вам драго, вы опет оне на вашим скопови никада спигнути нећете, кои су на нїовим гордым камилама тако далеко испред вас измакли. Мы ћемо се оп тога чуваши, опговори он. Они несмыслени мећу свой живот у бѣду, а зашто? само да неколико мїнута преће нас дойћу, мы сви у Вавулон идемо, едан саш ранїе или позднїе; у одбїанїю оп плаћна, или у порофурї, на магарешу или на камили, што е нам до тога, када ћемо и мы тамо дойћи? а и на пупу, што се бринемо, ако само знамо весело пушовати? А да си ты, на примѣр, када си се мало пре свалїю, на камили яшїю, што бы оп тебе было? Я се заспыдим, и не могох ништа опговорити; него погледам на праг, и удивимсе, када упазим множество людїй, жена и малене дѣце, кои за нама пѣшке ходяху с торбицама налећи. Едни пѣваху, а едни по зеленой шрави скакаху, радостно вопїюћи: Мы сви у Вавулон идемо: За нима весела дѣчица то исто восклицаваху. Ови сви, речем я, у Вавулон иду, и гледай, како су весели под своим бременом; а я едан зар да будем жалостан? Онай час радостно скочим на мог осла, и почнем покрай мог утѣшителя пушовати. Пущимсе с ним у разговор; и осешим, као да

ми е некаково бремя с мои леѣа сшмѣно ,
или каковый камень с прсїю свалѣн.

Путуюѣи тако , преѣе него што стигне-
мо , найѣемо веѣу часть от они первы пуп-
ника у весма бѣдном состоянїю . Камиле и
нїове са себе поспроваливале ; нїово дугачко от
порфуре одѣянїе , нїови злани с драгим каме-
нѣм посѣяни пояси бланом укаляни . — Онда
самъ , о вы Властители земли ! познао , како
е малена высокость человекеска ; и утѣшимсе,
видѣѣи различїе судьбине человекеске . Мы ѣемо
сви , речем я , у Вавлон дойѣи , много крапы
пѣшак веселїе и среѣнїе шамо стигне , нежелъ
гордый конник . Ал опеш е и прїятно и удобно ,
вѣрног имати скота , кои бы и нас и нам на
путь спремаѣна до обще госпитлице носїо .

Видѣнїе Мірсїно .

С приклонѣном главом одем на брегове Ев-
фраѣа , и шу спанем тужити . Сунце се веѣ
было на планине наслонило ; све твари около
мене веселе , услаждавающе нѣговом благом снї-
нотїю , коїом оно небо и землю украшаваше ;
Сам я едан несреѣник у жалости . — Онда по-
мыслим у себи , шо не може быти , да промысль
Божїй с людма влада : Ови су овде црви без
имена , ниши шко за нїову неволю и нужду
мари .

мари. Нїе ли то истина, да зли успѣваю, а добри у несрећи гину и пропадаю. Тако у себи говорѣи седнем под Палмово древо, и почнем гледаши у рѣку, како нѣзини пролазеѣи таласи шуште. У плачу пропече ми дан, и дойѣ ми вече, да и не осепим: Кад ал на едан пуш нека обася ме свѣшлосшь; рѣка и шумарице около мене засвѣплусе, као у по полдне Протрнем сав, погледам горе, и опазим юношу у бѣлом одѣванію предамно. Он овако почне говориши: „Мірса, я самъ Абуно Сахаредин, служишль код престола вѣчности; я самъ полковашель нѣзини шайны. Она е твое шуженѣ чула, и мене послала, да те научим; уснай, и ходи самном.

Он ме узме за десну руку; онай час осепим, као да у воздуху над равницом висим. Воде и долине испред мои очію не спане; и видим предамно високу спрменишу планину. Нѣзин верх до самы звѣзда доспизаваше. Ова е гора, рече Ангел, пояс, коим су совѣши вѣчнога опасани. На ону ни едан смертньй без Божіе помоћи попешисе не може. Докле се я нѣзиной превеликой высини чудим и дивим, у том узме нас обоицу тихій ветар, и као пшицу нѣна лагка крила, на гору опнесе. Мы се позадуго пенясмо, докле наѣ се нѣна дублина не изгуби; позадуго на нѣн верх дойѣи не могосмо. На овога злашным леѣма прешпахом,

као птица крилма, осѣяни свѣшлостію звѣзда. Ту се предамном нека любка и пріятна долина отвори. Я помислим, да се у жилищу праведных находим. То е, отговори Ангел, полѣ судьбина человѣчески, гледай и добро. Видим хиляду пощочиѣа, гди се у различным кривоши-нама кроз лепофарбно цвѣће, и цвѣштуѣа дре-са окрепаю. Видим, гдесе почну губити у неку на округ савіену планину. Сви су из среде испицали. На сред планине видим златну церкву, на зафуровы столпови созидану, коя као зора, на све стране свое разсыпаше зраке.

Мы пойѣмо кроз потоке; я не могох ново печеніе постигнуши. Сви су едан с другим, као свилени кончиѣи у вештом шканю сплешени были, приближимосе той церкви; нѣзина враша отворунамсе, пусте нас унутра, и опети се затворе. „Овде ѣешь ты, рече Ангел, познаши, да е твоя сумня о Промыслу неправедна. То када рече, додирнесе мои очію, и исчезне. Я се найѣм у нѣком высоком опчиспог крїсталла своду, кои свод на около баше огледалу подобан. На среди видим узвышен олшарь, из ког бео вапрен горяше пламень, да се сав свод от свію страна свѣшляше. Ужас почитанія пройѣ ми кроз сердце мое; влекнем на праг олшара и дрктах; кад ал чуем глас, гди говори: „Устай Мірса и погледай“

я подигнем очи горе, и упазим жену, гди под палмовым дрвешом седи, и дои плаво кудраво дѣше, милуюѣи га по нѣговой мегкой косици. Нѣи поглед пун мапернѣ милошѣе на нѣговом лепом отпочиваше лицу. На едан пун она приклони главу, зашвори очи и заспи. Деше у кой час свою малу подигне ручицу, да майку загерли, додирнесе змѣе, коя се на палми смотшала была. Ова разлюѣена оде, ал уеде дете, кое онай час умре.

О Боже мой, вопіем я, што е ова беззлобна жена учинила, да на тако жалостный начин изгуби сына? Кад ал чуем овай глас: „Окренисе и чишай“ Обрнемсе и видим за мною црну таблу, и на нѣой ове написане речи. Маши на своѣй глави грѣх носи: Она бы дете зло воспитшала, да бы оно злочинцем постшало.

Пун жалости окренемсе; ал образа из крѣспалла неспане, и на мѣсто нѣга упазим другѣй. Абдала, мой добродѣтельный прѣятель, полу наг лежи на некаковой невалялой слами; а покрай нѣга пепи нѣгови сынова. От болеспи и недостатка лице им баше бледо, а сѣйность очію малаксала, и као убіена. Ридаяѣи руке дигну отцу, и с преблеѣеным усшнама едва изрекоше: Родителю, дай нам хлѣба!

Я то не могох гледати; сакрыем лице мое, и мешнем чело на олшарь; кад ал овай

чуем

чуем глас: Погледай іоште едан пут онамо и право суди. „Дигнем очи, и упазим пещеро дечице мог прїишеля у прекрасном одѣянїю, гди около гроба свог родителя стое, и цвѣтем га посыпаю; опоминяюћисе иѣговы добродѣтелїи, у којима е он ныи воспїшао. Брашусе руку у руку натрат; а на обе стране за нѣима множество народа идући желїо им благослов и почитовао и као найпоштенїе у земли люде. Сузе радости печеху ми низ лице то видећи. Окренемсе к шабли и читам: „Богатство бы Абдалове сынове горде и зле люде учинило; а шако добродѣтель опчину срећа деце наплаћуе.

Радуюћисе іоште том прошлом видѣнїю, кад ал у крїсталу смошрим кћерь, Тхїрцу, мог покойног брата, и нѣна добродѣтелног мужа Тарїка. Ови у сали свог дома стое оправляюћи шесть сиромашны браком сочепанны младића с дарови. Тако су они на нїовом вѣнчанью сваке године чинити завѣщали, да и други нїове среће участницы буду. Момчићи и дѣчица онай благополучный пар людїи оставе саме и опиду. Онда Тарїк рече: „Любезна, како си ты милостива сердца! поклоняшь другим пвоя лепа одѣянїя, а сама се облачишь, као Крїн, у проспу одежду. „О Тарїк! ты си мое украшенїе и круна. Тко бы ружицу, онай драгїи цвѣтак украсили могао? Нїе ли она

кра-

красица измећ цвећа на пољу? „О не ласкай ми! я мидуем любичицу у долини; она свой любкѣй мурис разсыпа, и главу у прави сакрива. „Тако е облик нѣви говорио, и мое се сердце у мени от радости отеческе подизало; кад ал на едан пуш у сали сгрувасе шаван, и обое ту погребе.

Онда пун скорби паднем на лице, и почнем из гласа ядиковати, праг олтара сузама обливаюћи. Дуго самъ лежао и плакао, докле нѣ глас вопио: „Мирса! престани већь от ядикованя.“ Уплашен дигнем очи к шабли, и ово читам: „Маловременный человек види само настояща, а мудрость Божія и будуща. Смерть е твою срећну децу из руку несреће испергла, коя нѣ далеко была, и ево пред твоим очима расте! За што жихели твог рођеног града чине грѣхе на небо вопіюще.“

Деркпаюћи окречемсе и погледам у кристал. Старый честный Краль мог опечештва лежи на софи и спава. Покрай нѣга дванаестъ младе деце у плавом одѣянїю; то су были Ангели нѣговы добры дѣла; свакѣй држи по едну лепезу, и ладе га, да бы слаће спавао, дойће и нѣгов сын полагаю корачаюћи. Нѣгово лице и руке были су црне, а очи у самом пламену, узме свога отца чашу, и у ню опров успе. Краль се пробуди, хоће да се укрѣпи, поіе

онай

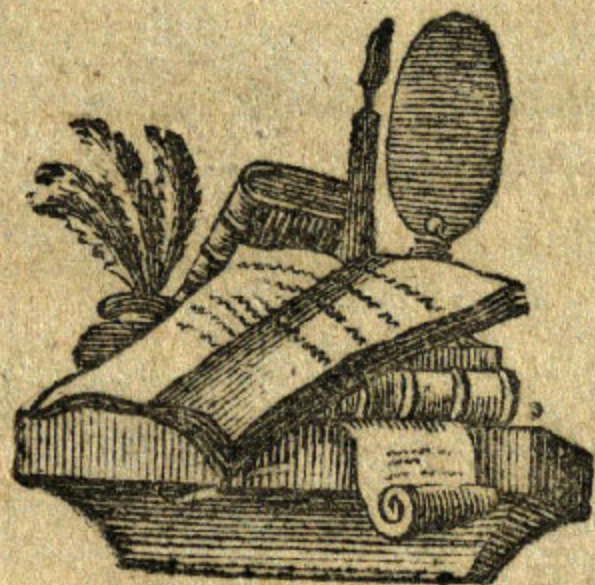
онай отровный сок, и умре. Из глубине сердца
мог узданем, кад ал шабла се в несапу промѣни.
Новый Краль походи с войном у рашь; а друга
му дойѣ во срѣшеніе, и обколи нѣгов главный
град. Попнесе на бедене, све жителѣ насил-
ствуе и побіе; сву землю оплѣни, а опца
убійцу обеси.

Спустим главу на перси; дух мой спане
сѣшовати о разрабленію опчина царства; очи
ми опвердну, а чувствіе оп шуге задрема; кад
ал милый нѣкій пробуди ме звук. Мое сердце
опет поспане дагко, као лешенѣ ласпавице,
и почне се услаждавати пріятным различным
пѣніем, кое ме окружаваше. Дигнем очи и
смоприм у крїсталлу лепу зелену поляну.
Спарцы, момчиѣи и дѣчица ходяку по зеленим
стазицама, весело у колу играюѣи и по прави
цвешке шргаюѣи. Пшичице са шушпешим дре-
весма пою, и пошцы свое шушпанѣ у песме
мушкарца и девойчице увіаю, све напунѣно ра-
достію баше. Тхірца и Тарік у цвешаюѣой
сѣнці седе вѣнціе оп ружице и любичице
плешу, а множество миле дѣчице нїову лист-
ницу цвешем ките. Я смоприм мога пріятеля
Абдалу, оног доброг старог Краля; и многе
друге, гди се о своим веселе добродѣшелма,
ниш се више опоминяю преѣшнѣг зла земног
живоша. Я зажелим к нима; пружим руке шамо,

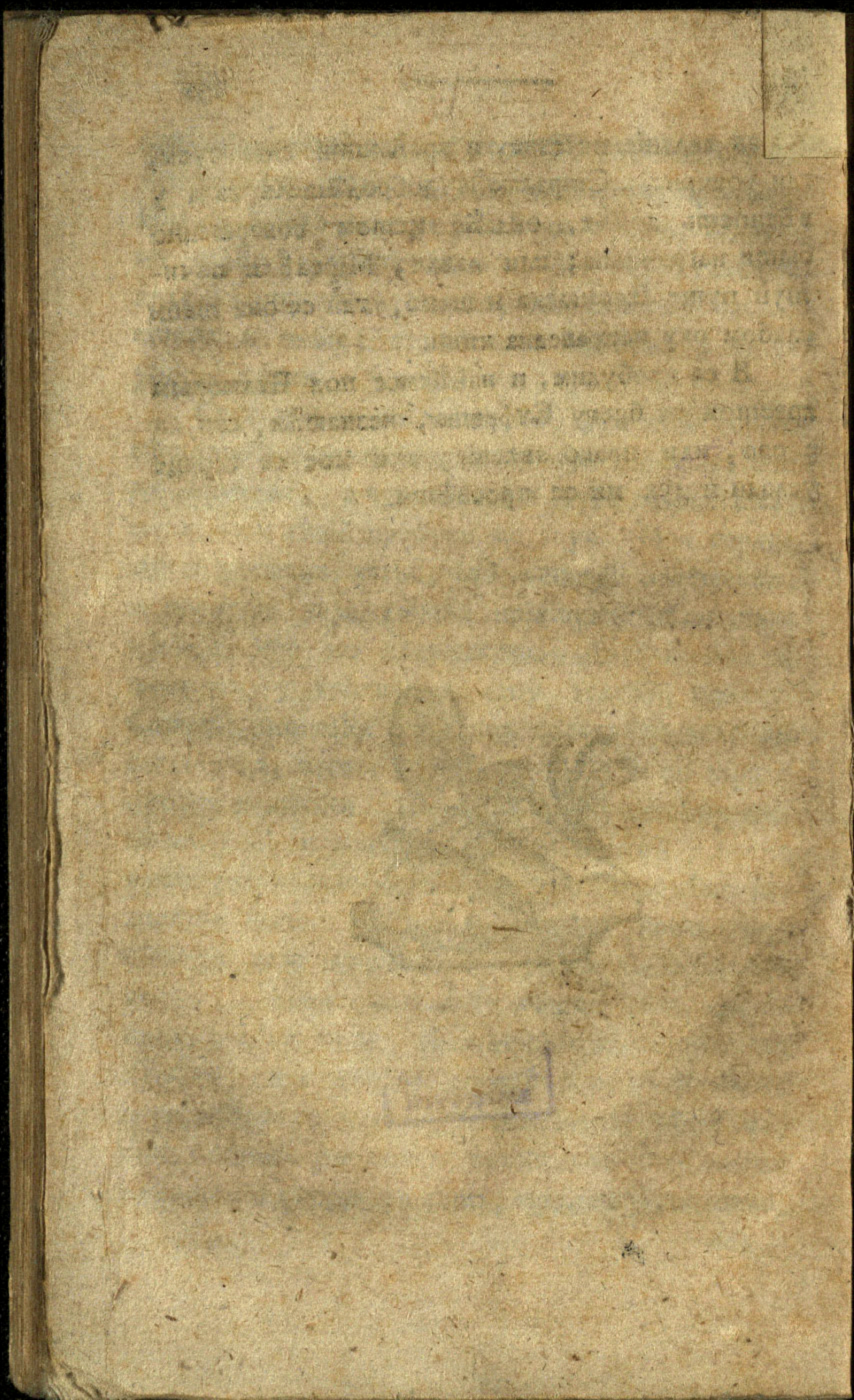
кад

кад ал явленіе исчезне, и преѣашній глас чуем,
гди говори: „Спрадаюћа добродѣтель када у
вѣчностъ дойће, ондаће испом совершенно
быти награждена; иди дакле, Мірса! и почи-
стуй путе Промысла и шамо, гди се она швом
слабом оку неправедна чини.

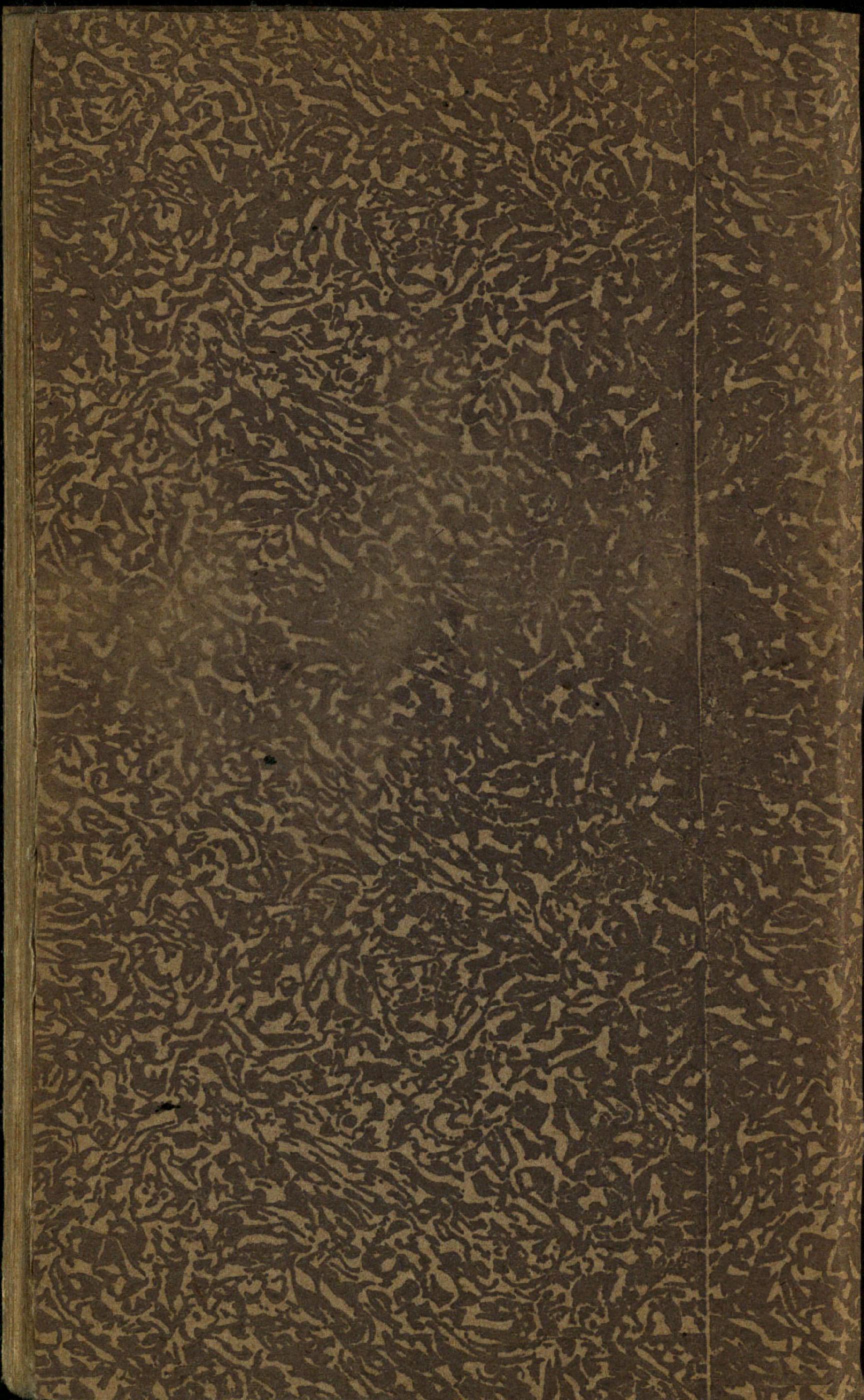
Я се пробудим, и найдемсе под Палмовым
дрвешом на брегу Евфрата, незнаюћи, сан ли
е ово, или право явленіе; али мое се сердце
уследи и дух ми се просвѣти.

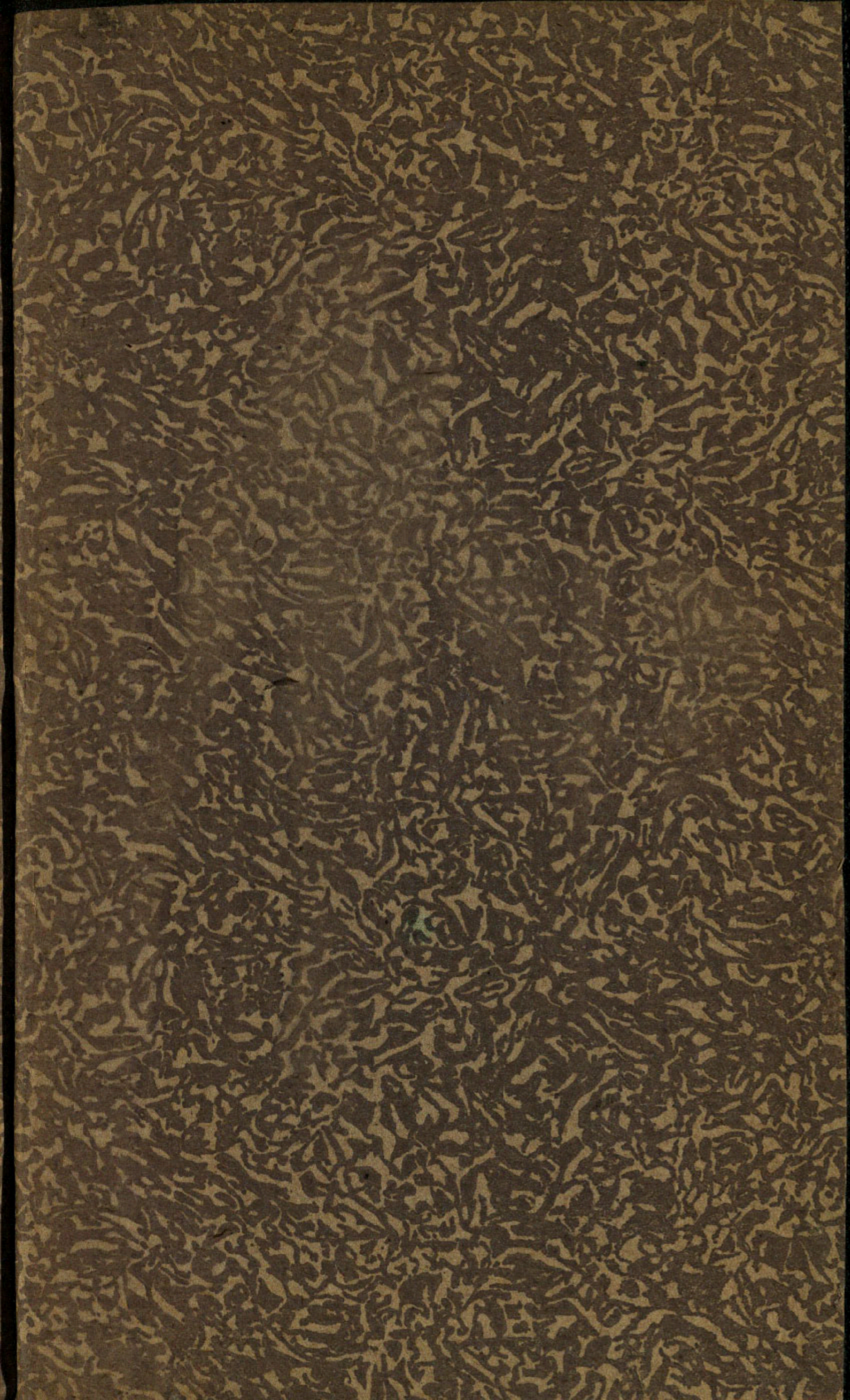

БИБЛИОТЕКА
ШАТИЦЕ СРПСКЕ

Израђено у књиговезници
ДРАГ. М. ПЕТКОВИЋА
БЕОГРАД VI. Адм. Вуковића 68

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

P 19 Срп II 10.50/1.1